This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG3453
C3A17
1896

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Чаева.

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 13 іюля 1896 г.

1871—1874.

Чтобъ тамъ ни шептали
На ухо, да сбоку.

Чтобы мысль и слово
Съ дѣломъ побратались;
Чтобы умъ и знанье
Съ сумкой не скитались...

Чтобъ отъ лишней чарки
Братья веселѣли,
Но чтобъ «gaudeamus»
Поладнѣе пѣли.

Дорого не время, дорогà пора.

(Пословица.)

Лѣзетъ брага черезъ край;
Пивовары: ай, ай, ай!
Дровъ, знать переброшено?
Хмелю переложено.
Мучки-ль перевѣшано,
Въ суслѣ-ль передержано?
Брага на земь льетъ да льетъ,
Всякой умну рѣчь ведетъ:
— Диво, братцы, дивное,
Вишь, ее какъ двинуло!—
— Слить бы намъ черпакъ, другой.
«Дàвѣ бы котелъ большой.
А варить-помѣшивать,
Уши не развѣшивать».
Бились-добивалися,
Слить не догадалися,
Думали до вечера,
Хвать,—анъ, пить то нечего.

Шатунокъ-городокъ.

(Загадка.)

Гусли—мысли мои,
Пѣсня—думка моя.
А кручинушка?
Отъ кручины-тоски
Зелье есть на Руси,—
На тычиночкѣ.

* * *

Однолѣтокъ трава,
Золотая листва,
«Не горюй голова»
Прозывается;
Что по сотнѣ жердей,
Тремя стами плетей,
Промежь колецъ, кистей,—
Чтобъ ей сотня чертей,—
Пробирается.
Еле живъ городокъ:
Стѣны—жердь да батогъ,
На задворкѣ растетъ,
А въ почетѣ слыветъ
У царей, воеводъ,
И воюй его годъ—
Отстрѣляется.
Ни бойницъ, ни солдатъ,
Понатыканъ кой-какъ,
А донынѣ не взятъ.
Кто беретъ,—за урядъ,
Всѣмъ полкомъ, на угадъ,
Не побить, такъ помять,
Поплетется назадъ.

Да, гляди, между грядъ
Наваляется.
Либо въ тынъ головой,
Али въ грязь бородой,
Будь ты князь, рядовой,
Воевода-ль большой,—
Угодишь,—какъ лихой
Разгуляется.
Не шути городкомъ,
Огороженъ плетнемъ,
Ходитъ весь ходуномъ;
Шевельни вѣткомъ,—
Зашатается.
Бьетъ листомъ, не ядромъ,
А съ великимъ полкомъ
Расправляется.
Угоститъ, да потомъ,
Самъ стоитъ, какъ ни въ чемъ,
Узорочнымъ шатромъ,
Золотымъ плетешкомъ
Величается;
Надъ тобой, молодцомъ,
Разудалымъ бойцомъ—
Потѣшается.

* *
*

Гусли—мысли мои,
Пѣсня—думка моя.
А кручинушка?
Отъ кручины-тоски
Зелье есть на Руси,—
На тычиночкѣ.

Кому вынется, тому сбудется.

(Погудка.)

Для горячихъ щей люди женятся,
А отъ добрыхъ женъ постригаются.
Въ дѣвкахъ сижено, горе мыкано;
Замужъ выдано, вдвое прибыло.
Жена шей, пряди, мужикъ гужъ тяни,
Хошь гайтанъ порви, а семью корми.
Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.
Лихо мужъ дуритъ, полдвора горитъ,
А жена вздуритъ, все до тла сгоритъ.
За то кладомъ кладъ, какъ съ женою ладъ,
Горе—полгоря, радость—вдвое радъ.
Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.
Вотъ бѣда моя, какъ ворчитъ жена,
День пилитъ пила, ночью нѣтъ ей сна;
А какъ бить учнетъ, не кажись въ народъ...
И не то смѣшно—жена мужа бьетъ,
А смѣшнѣй всего—мужъ ревма ревётъ.
Нападетъ, давай приговаривать,
Да чужихъ мужей принахваливать:
«У другихъ-то женъ мужья вонъ каки,
А у насъ, горюхъ, все вотъ эдаки».
Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.
Не честь курицѣ пѣтухомъ кричать,
Пѣтуху не стать безъ пути орать;
Жена по̀ мужѣ, а и такъ живетъ,
По разумницѣ мужъ умёнъ слыветъ.
Кому вынется, тому сбудется,
А и сбудется, не минуется.

1875.

Дѣтство.

(Посвящается памяти В. А. Н.....й).

Beatrice in suso, ed io in lei guardava.
Беатриче глядѣла въ высь, а я на Беатриче.

(D a n t e: La Commedia. Del Paradiso. Canto secondo.)

I.

Давно-ль на пустырѣ стоялъ господскій домъ,
Конюшни, мельница и баня за прудомъ?
Отъ мельницы вилась оврагами дорожка;
Ромашка, звѣробой, шиповнику немножко
И Божье деревцо—по сторонамъ росли.
Мы, точно просѣкой, бывало, дѣти шли,
А нянька старая кричала:—«погодите!
Куда вы, точно угорѣлые, бѣжите?»—
Вотъ, подъ горой, тропа нежданно порвалась...
—«Ручей, ручей видать!» Ватага понеслась.
Старуха: «больше брать не стану за грибами».
А тамъ, за камешки, ужь споръ идетъ межъ нами.
По камешкамъ цвѣтнымъ, сверкавшимъ подъ водой,
Бѣжалъ ручей, звеня хрустальною струей.
За рѣчкой боръ темнѣлъ и, будто исполины,
Въ крутую гору шли, неся свои вершины,
Березы, сосны, клёнъ, развѣсистыя ели...
И боязливо мы въ лѣсную темь глядѣли:
—«Ну, лѣшій закричитъ намъ вдругъ издалека,—
Аукнется? Бѣда!..» Струхнули. Ждемъ, пока,
Не торопясь съ холма сойдетъ съ плетюшкой нянька.
Боимся, а другъ друга, знай, пугаемъ:—«глянь ка,
Никакъ, вѣдь, шевелится кто-то подъ кустомъ?»...
Одинъ смѣльчакъ было и къ лѣсу—шасть бочкомъ.
Вдругъ птица—пырь съ куста, крылами затрещала,

И къ нянькѣ, съ смѣльчакомъ, ватага побѣжала.
—«Вотъ то-то, а впередъ бѣжите... Отдохнемъ».—
Старушка встрѣтила, и на лугу, кружкомъ,
Усѣлись мы.
Одни легли и вверхъ глядѣли,
Гдѣ плыли облака и небеса синѣли,
Гдѣ ястребъ въ вышинѣ задумавшись стоялъ
И жаворонокъ въ лугъ со звономъ ниспадалъ,—
Носились ласточки, шалуньи щебетали,
Двѣ бабочки-цвѣтки кружились и играли...
Другой, расшевеливъ рукой траву густую,—
Гдѣ жизнь безжалостно мы топчемъ зачастую,—
Глядѣлъ, какъ Божія коровка и жучокъ,
Вскарабкавшись съ трудомъ на тонкій стебелекъ,
Что капельки росы, едва держась, висѣли...
А сосны надъ ручьемъ вершинами шумѣли,
Въ темь зазывая насъ.—«Пойдемте же,—пора!
Въ лѣсу прохладнѣе, а здѣсь печетъ жара».
Старушка поднялась и, робкою толпою,
Вступили дѣти въ боръ съ таинственною мглою.
Имъ жутко; держатся за ситцевый подолъ;
Другъ другу шепчутъ: «лѣшій бы не обошелъ»...
Вотъ сучья подъ ногой сухіе захрустѣли,
И дѣтскія уста отъ страха онѣмѣли.
—«Мы недалеко, вѣдь? Въ глушь, няня, не пойдемъ»!...
Но няня занялась приземистымъ грибомъ;
Подъ елевымъ сучкомъ, прижавшися къ пенёчку,
Усѣлся боровикъ; и надо же листочку,
На грѣхъ, откинуться, когда мы подошли
И сучья ельника руками отвели.
Старушка—въ ридикюль, очки свои достала
И шляпку красную подъ елкой увидала.
—«Грибъ, дѣтки! ахнула.—Анаѳема будь грибъ»!
И бѣдный боровикъ не усидѣлъ– погибъ.
—«Какой хорошенькій!»—мы, дѣти, закричали,

Глазамъ не вѣря, шляпку красную сломали,
И боровикъ—въ плетюшкѣ.—«Вотъ судьба»!
Намъ, дѣтямъ, думалось, и стало жаль гриба.
Но скоро грибъ забытъ: пучечки костяники
Манили изъ-за лозъ ползучей повилики.
Мы къ нимъ. А подлѣ, глядь, стоятъ, киваютъ намъ
Два колокольчика, и глазки—тамъ и сямъ.
—«Вѣнокъ какой совью!»—ужь дѣвочка хлопочетъ
И тутъ же въ волоса воткнуть цвѣточикъ хочетъ.
Цвѣтокъ не держится.—«Ну, няня, помоги!»—
—«Постойте, груздь никакъ у самой у ноги»...
Ворчитъ старушка, вновь очешникъ вынимая
И палкой листъ сухой тревожно расчищая.

Родимый дальній край, златые дѣтства дни,
Сокровища моей измученной души—
Воспоминанія о прошломъ, рѣчи, думы...
Такъ солнца мощный лучъ, въ осенній день угрюмый
Прорвавъ густую ткань свинцовыхъ облаковъ,
Освѣтитъ разомъ все: кладбище, рядъ домовъ,
Рѣку, покосы, даль и церковь подъ горою
Съ сіяющимъ крестомъ—небесною звѣздою.
—«Однако, облачко, глядите-ка, идетъ»,
Намъ няня, а сама листокъ кленовый рветъ
Грибы переложить. За елки забѣгая,
—«Ау, сыщи»!—кричатъ ей дѣти. Галокъ стая,
Завидя коршуна, тревожно вторитъ имъ.
—«Къ дождю, знать... Дѣтки, въ путь пора».—«Да
погодимъ»...

Мы шли назадъ не той—другой тропой-дорогой;
Она, межъ стѣнокъ ржи, вела горой пологой,
Какъ школьный корридоръ, прямехонько къ пруду;
Но синихъ васильковъ тамъ было, на бѣду,
Тьма тьмущая во ржи, и дѣти растерялись,—
Не нянька, а они ужъ сзади оставались.
—«Ступайте».—«Погоди, вотъ дай еще цвѣтокъ

Сорвать, и побѣжимъ»... А солнце на утекъ
Сбираться начало, вечерними лучами
Лобзая,—словно мать, прощаясь съ сыновьями,—
И лѣсъ, и рожь, и лугъ, пестрѣющій ковромъ,
И няню, и дѣтей, и дѣвочку съ вѣнкомъ,—
Съ вѣнкомъ изъ васильковъ на кудряхъ золотистыхъ,—
И стаю въ вышинѣ, на крыльяхъ серебристыхъ,
Домашнихъ голубей, несущихся гулять,
И мальчика съ метлой, что влѣзъ ихъ погонять
На кровлю мельницы. Одинъ лишь прудъ зеркальный
Темнѣлъ подъ ветлами, сердясь на лучъ прощальный.

Слышь, брякнулъ перепелъ?.. А въ гору стадо шло;
Саженный хлопнулъ кнутъ—и ожило село;
Мальчишки на дворы барановъ загоняютъ;
Хозяйки у воротъ буренушекъ встрѣчаютъ.
Теленокъ, взбѣленясь, пустился вскачь селомъ.
Сквозь золотую пыль, подъятую столбомъ,
Коровы, лошади плетутся точно тѣни...
(Такъ живописцы намъ рисуютъ привидѣній).
Мычанье, крики, брань... Съ раствбренныхъ дворовъ
Соломой понесло, а съ поймы и луговъ,
Какъ будто въ перебой, душистымъ сѣномъ вѣетъ;
За дальнею горой ужь солнце еле рдѣетъ;
Потухло; вѣтерокъ прохладный пробѣжалъ
И съ низменныхъ долинъ туманъ сырой вставалъ.

Вотъ наша кузница... Изъ двери вылетали
Снопами искорки; два молота стучали
По наковальнѣ въ ладъ; мужикъ клячонку билъ,
Ковать, упрямую, вставляя межъ перилъ;
У горна, въ темнотѣ, мѣхи зашевелились,
И стѣны, точно адъ кромѣшный, освѣтились.
Намъ въ двери заглянуть хотѣлось, смерть: что тамъ?
Но няня уперлась:—«а искра вдругъ... да вамъ,
Храни Богъ, въ глазъ? Ослѣпнете», и потащила

Къ калиткѣ, садомъ, въ домъ. «Знать, ножки промочила?
Дорогой дѣвочку допрашивать давай.
«Не надо по травѣ; вонъ, тропочкой ступай»,
За ручку потянувъ, старушка говорила.
А Надя башмачкомъ, знай, травку шевелила
Она въ гостяхъ была, и съ нянею, у насъ...
Но я не знаю самъ, зачѣмъ завелъ я васъ
На мой родной пустырь, давно забытый всѣми?
Надъ нимъ лишь по ночамъ осеннимъ вьются тѣни,
Тоскуя о былomъ быть-можетъ, о землѣ,
Что птица о своемъ, похищенномъ, гнѣздѣ.
Мы къ дому; кое-гдѣ огни уже свѣтились,—
Ребятки ужинать въ застольну потащились,
А мы пошли въ крыльцо за няней—онъ и я.
Мадамъ Кутлай въ дверяхъ:—«Какъ долго вы, друзья!
И какъ тебѣ не грѣхъ ребенка, няня, было
Вести, и безъ калошъ, росой? Ты простудила
Ее, навѣрное. Скорѣй натри виномъ
Ей ножки».—«Начала... И изъ чего содомъ»?
Старуха, покраснѣвъ, тихонько проворчала,
А думаетъ сама:—«И впрямь, позапоздала.
Простудка есть, жарокъ и личико горитъ,—
Кутлайша-то не зря, а дѣло говоритъ...
Голубушка, ложись скорѣй въ свою кроватку;
Да прежде помолись; вотъ я зажгу лампадку»...
А дѣвочка ревѣть, уцѣпится за насъ;
Мадамъ Кутлай вспылитъ, да какъ еще подчасъ...
Но сжалится:—«придутъ, а няня сказку скажетъ...
Ступайте къ ней». Войдемъ—и Надя тотчасъ ляжетъ.
Старушка, уложивъ шалунью,—за чулокъ;
Мы на скамеечкахъ усядемся у ногъ...
И «самолетъ коверъ», а то «вѣщунъ каурка»—
Слуга Иванушки, рысистый «сивко-бурка»—
И понесли въ тотъ рай, въ тотъ нѣкоторый край,

Гдѣ няня властелинъ, а не мадамъ Кутлай,
Гдѣ нѣтъ грамматики, нѣтъ падежей, спряженій,
Гдѣ нѣту ни Калипсъ, ни Хлой, ни Ифигеній,
А Милитрисы весь Кирбитьевны однѣ...
Но слушаешь—замрешь, сидишь какъ на огнѣ
Отъ нетерпѣнія: изловитъ ли «жаръ-птицу»?..
Да, птицу еще такъ; нѣтъ, какъ онъ—«царь дѣвицу»?
Впередъ, впередъ разсказъ... А то, вѣдь, разбранятъ:
—«Подробности, пейзажъ!.. я слышу, говорятъ;
Картины все однѣ... Давайте-жь лица, лица»..
Они идутъ; ужь тутъ.
Ты быль, или небылица,
Жизнь пролетѣвшая, и невозвратно? Нѣтъ,
Ты воротилася, черезъ десятки лѣтъ
И, кажется, теперь живешь тобой полнѣе,
И крѣпче любишь всѣхъ, и видишь все яснѣе.
Нашъ, въ этотъ вечеръ, домъ не весь былъ освѣщенъ;
«Господъ, вѣдь, нѣтъ»... рѣшилъ прикащикъ-экономъ.
Отецъ мой былъ въ Москвѣ,—поѣхалъ вмѣстѣ съ дядей,—
А няню и мадамъ съ моей кузиной, Надей,
Прислать рѣшили къ намъ на мѣсяцъ погостить.
Въ Синицынѣ накатъ пришлось перемѣнить
Въ полахъ. Мадамъ Кутлай сначала возражала:
«Что съ мальчиками ей»?... Но няня настояла:
—«Помилуй, нашъ отецъ, да долго-ль напугать
Ребенка? Стукъ, да гамъ»... И дядя запрягать
Въ коляску четверню велѣлъ для милой Нади.
—«Съ вещами тарантасъ пусть тройкой ѣдетъ сзади».
Мадамъ Кутлай ворчитъ:—«у нихъ мнѣ съ ней бѣда;
Ребятъ понабѣжитъ въ садъ цѣлая орда...
Какъ позволять, пастухъ-мальчишка, безъ доклада,
Въ господскій лѣзетъ домъ: «мнѣ барышню бы надо;
Я лапотки ей сплелъ; такъ, вотъ, ихъ передать»?..

И что-жь? Ребенокъ глупъ, сейчасъ же примѣрятъ.
Прочтешь ей, – повтори своими мнѣ словами, —
А Надя подъ столомъ любуется лаптями.
Простой народъ и Русь люблю душою я,
Но все же, дѣвочкѣ особенно, нельзя»...
Мадамъ Кутлай не такъ боялась за манеры,
Но больше приводить старалася примѣры,
Какъ заражается отъ общества дитя.
Ребенокъ—тотъ же воскъ, согласны мы; хотя
Душевныхъ раннихъ язвъ встрѣчаешь въ высшемъ свѣтѣ
Не меньше, чѣмъ въ избѣ, иль гдѣ-нибудь въ подклѣтѣ.
—«Смотри-ка, за лѣскомъ, коляска, вѣдь, пылитъ,
Ванюша мнѣ, а самъ весь вспыхнетъ, задрожитъ.—
«Вѣдь, это Наденька?»—Она.—«Такъ раздробленье
На завтра», намъ было учитель... Но терпѣнье
Какое-жь надобно? Коляска черезъ мостъ,
Въ воротахъ, у крыльца. Ванюша, будь не простъ,
Въ окошко, на балконъ,—учитель испугался,—
Черезъ перила разъ—прыжокъ—и растерялся.
—«Прекрасно! Какъ умно!—ему Кутлай.—Куда?
Ну, viens ici, шалунъ! Ушибся, что ли—да?»
Ванюша, хоть ушибъ себѣ порядкомъ ногу,
Сквозь слезы: «ничего, мадамъ Кутлай, ей Богу....»
Но... отворять ли дверь въ душевный мой тайникъ,
Гдѣ прятать отъ людей подальше я привыкъ
Безцѣнный скарбъ моихъ родныхъ воспоминаній,
Восторговъ, тяжкихъ думъ и жаркихъ упованій?
Алмазы чистые какъ потемнѣютъ вдругъ
Отъ грубаго чужихъ прикосновенья рукъ?
Такъ пестрый мотылекъ, порхая надъ цвѣтами,
Въ день солнечный горитъ, сверкаетъ колерами...
Но, вотъ, его съ цвѣтка, подкравшись точно воръ,
Досадный мальчикъ снялъ и съ крылышковъ обтеръ

Пыль разноцвѣтную, что радовала зрѣнье·
Еще недавно такъ. Меня беретъ сомнѣнье.
Художники мой страхъ, увѣренъ я, поймутъ;—
Тѣ знаютъ, каково свой задушевный трудъ
Нести на выставку и подвергать сужденью
И всѣхъ и вся,—невѣжды наглаго глумленью,
И сладкой похвалѣ любителя искусствъ,
Отъ впечатлѣнія лишившагося чувствъ.
Цецилія Ивановна Кутлай—богемка
(Хоть дворня дядина ее честила: «нѣмка»),
Вдова бездѣтная, близъ Праги рождена,
Въ Россію же, въ Москву, была привезена
Одной графинею, любительницей пѣнья;
Ея сіятельству, въ минуты вдохновенья,
Мадамъ Кутлай, въ гостяхъ, въ концертахъ, у себя,
Акомпанировать должна была. «Любя,
Какъ выражалась,—до безумія искусство»,
Графиня, говорятъ, пѣвала не безъ чувства,
Но, на грѣхъ, не отличая фисъ отъ эфъ,
За что ее, хотя исподтишка, на смѣхъ
Пѣвцы, пѣвицы, аматеры подымали,
А между тѣмъ въ глаза: «charmant comptesse»,
кричали.
Одна мадамъ Кутлай ей разъ произнесла
Святую истину—и въ тотъ же день была
Уволена... «Куда?» Знакомыхъ нѣтъ. Рѣшилась
Нанять у скрипача свѣтелочку; сдружилась
Въ день, два, съ его женой. Скрипачъ былъ тоже чехъ,
Урочишки имѣлъ, но попивалъ,—былъ грѣхъ.
Жена, землячка тожь, была жилицѣ рада,—
Для дочекъ, двухъ иль трехъ, учителя не надо.
«На рынокъ съ горничной провизіи купить
Уйдешь, хоть есть кому дѣтей препоручить».
Мадамъ Кутлай дипломъ на званье гувернантки
Имѣла; сшить капотъ изъ саржи иль изъ нанки

Могла для дѣвочекъ,—не отдавать швеѣ.
Добра, хоть вспыльчива... Вѣдь, это кладъ въ семьѣ,
Вотъ, въ это время, мысль родилася у дяди
Мадаму принанять для пятилѣтней Нади.
Но, надобно сказать, француженокъ старикъ
Не жаловалъ: «безбожны», видите-ль... Языкъ
Французскій, между тѣмъ, нельзя не знать дѣвицѣ:
«Лишить французскаго—подрѣзать крылья птицѣ»,
Старикъ говаривалъ. Вотъ, съѣздилъ къ намъ, къ отцу,
Совѣтъ не дастъ ли: какъ тутъ поступить ему?
И на совѣтѣ братья тотчасъ порѣшили,—
Они всегда согласны межь собою были,—
Писать въ Москву... Къ кому, узнайте? Къ мужику.
Макарычъ, крѣпостной, скупалъ овесъ, муку,
По малости сперва—рублей на триста, двѣсти,
Потомъ—бывало все: «не въ гнѣвъ будь вашей чести» —
Расторговался такъ, что господамъ давалъ
По тысячамъ взаймы; коль вѣритъ, капиталъ
Полмилліонный былъ, «не въ гнѣвъ будь вашей чести»
А скупъ былъ, помню, такъ, что дочери-невѣстѣ
Искалъ приданое, по случаю, шесть лѣтъ.
Но будетъ. Обличать—не мнѣ, да и не слѣдъ.
Макарычъ сталъ въ тупикъ: — «Вотъ вздумалъ, гувернантку
Сыщи ему!.. Да гдѣ?» Однако спозаранку
Вскочилъ, надѣлъ тулупъ, взялъ шапку и въ трактиръ,—
Лакеи по утрамъ сбирались тамъ,—спросилъ
Двѣ пары чаю, сѣлъ, глядитъ, а въ двери входитъ
Знакомый кучеръ: онъ: «пожалуйте». Заводитъ
О томъ, о семъ съ нимъ рѣчь, знай чествуя чайкомъ.
А кучеръ про себя: «навѣрно, овсецомъ
Обмѣрять барина на четверикъ желаетъ.
Расшибся песъ—водой горячей угощаетъ!»
Макарычъ: «чести бы твоей да не во гнѣвъ,—

Онъ говорилъ всегда немножко на распѣвъ,—
Отъ барина письмо вчера вдругъ получаю:
«Сыскать мадаму я тебѣ препоручаю.
Мадама состоять при Наденькѣ должна;
И не науки лишь, а нравственность важна.
Недорогую чтобъ, и музыку бы знала,
Французскій—главное, и отпиши сначала:
Какого возраста, откудова она,
Въ какихъ жила домахъ, какая ей цѣна».
Задачу задалъ, братъ, что, просто, я не знаю,
Что мнѣ и дѣлать съ нимъ. Для этого случаю
Хочу къ дворецкому я вашему слетать,—
Не знаешь ли, когда его бы мнѣ застать?»
Тутъ кучеръ трубку взялъ и задымилъ овиномъ.
«Ума не приложу, что дѣлать съ господиномъ...»
Макарычъ горевалъ. А гость: «мы кучера;
Конечно, наша часть не эта; но съ двора,
Въ окошки, видимъ тожь, что дѣется на свѣтѣ.
Есть у меня, сейчасъ, мадама на примѣтѣ».
Макарычъ обомлѣлъ: «голубчикъ! Гдѣ? Когда?
Но только мнѣ одно.., Онъ пишетъ... Что, она
Француженка?» «Ни-ни, какая-то бадемка».
—«Ну, это ничего; тальянка будь, аль нѣмка...
Француженокъ, вотъ, онъ—чтобы ни Боже мой...
А гдѣ она живетъ?»—«Да, вотъ на Поварской».—
—«Такъ, не во гнѣвъ, нельзя-ль?—«Поѣдемъ, старичина.
Да выпить бы».—«Изволь. Подай-ко полграфина».
Макарычъ не пилъ самъ, пріятель пропустилъ,
И черезъ полчаса ихъ ванька потащилъ
Арбатомъ, къ Поварской. Мадамъ Кутлай сыскали,
Условились въ цѣнѣ,—конечно, поприжали,
Макарычъ гдѣ словцомъ, гдѣ жестомъ пояснялъ,
И въ тотъ же день письмо помѣщику послалъ:
«По вашему, отецъ, господскому приказу,

Мадаму я сыскалъ, и съ перваго же разу
Я, рабъ покорнѣйшій, весьма сошелся съ ней.
Цѣна не малая: беретъ шестьсотъ рублей.
По музыкѣ ее одобрилъ мнѣ Герличка.
Фамилія Кутлай».—«Кутлай? Собачья кличка!
И даже націи не написалъ дуракъ...
Другой не могъ... Кутлай... Смѣяться будетъ всякъ».
Старикъ задумался; опять на совѣщанье,
Глядимъ, къ отцу катитъ; тотъ принялъ во вниманье
Рекомендацію: Герличка обучалъ
Ему двухъ скрипачей и ноты закупалъ.
Герличкина семья была, гдѣ поселилась
Мадамъ Кутлай, когда съ графинею простилась.
—«Но мнѣ фамилія... Подумай ты: Кутлай...»
—«А вздоръ, ему отецъ.—Ну, на себя пеняй,
Упустишь. Музыкантъ Герличка малый честный
И, вѣрь, аттестовать не станетъ неизвѣстной».
Черезъ недѣлю такъ, богемку въ тарантасъ
Макарычъ усадилъ; черезъ другую—насъ
Съ сестрой мадамъ Кутлай пріѣздомъ удивила;
Ей куклу, мнѣ коня съ телѣжкой подарила.
И, странно, вотъ поди, иной, весь вѣкъ живетъ
Въ семьѣ, а все чужой; а эта въ первый годъ...
Какое? въ полгода была совсѣмъ родная.
И дядя разъ отцу: «а славная какая...
Я не взялъ бы, божусь. Спасибо, милый братъ.
Чудачка, странная, но гувернантка—кладъ».
И съ именемъ Кутлай мой дядя примирился.
—« Ты не подумай, братъ, что я въ нее влюбился».
—«Ну, какъ ни хороша, а не замѣнитъ мать»,
Отецъ ему на то. И оба—ну шагать,
Одинъ по комнатѣ, гдѣ спалъ обыкновенно,
Другой по образной; а горе, что безсмѣнный,
Навѣки-вѣрный стражъ израненныхъ сердецъ,

Шептало братьямъ: «да, какъ ни хорошъ отецъ,
Но матерней любви все-жь дѣти не видали.
О, еслибъ ангеловъ они тѣхъ, отлетѣвшихъ, знали!»

II.

Ванюша... Онъ вамъ свой, родня,—богатыри,
Творцы отраднаго, виновники зари,
Надъ жизненнымъ путемъ зардѣвшейся немножко,
Въ палаты богачу и бѣдному въ окошко,
Въ темницу узнику несущей кроткій лучъ;—
Лазурь вы посреди кругомъ облегшихъ тучъ.
Тоскуетъ бѣдный міръ отъ пошлой тиши-глади;
У васъ есть жизнь,—хоть искру дайте, Бога ради.
Богъ помочь жители странъ теплыхъ, мѣстъ святыхъ!
Безъ лести, не шутя, я въ вашихъ мастерскихъ,
Какъ муха зимняя на солнцѣ, оживаю
И, крылья отряхнувъ, часокъ, другой летаю.
Въ Гробищевѣ селѣ, у графовъ у Сентъ-При,
Тому назадъ годовъ десятка, надо, съ три,
У мужика бурмистра Ваня былъ сынишка;
Красивый, какъ амуръ, но худенькій парнишка;
Я помню кроткій свѣтъ прекрасныхъ темныхъ глазъ,
Задумчивыхъ, большихъ, уставленныхъ на насъ.
Бывало, часъ сидитъ... «Ванюша,—Надя спроситъ,—
Ты куклу не биралъ?»—Но мальчикъ только броситъ
Взглядъ на нее и—промолчитъ. Онъ не видалъ,
Кто передъ нимъ; онъ, знаю, гдѣ-нибудь леталъ;
Быть-можетъ въ вѣчный Римъ мечты его носили,
А можетъ къ бабушкѣ?... Мы всѣ ее любили,
Но онъ безъ памяти. Лѣтъ былъ онъ десяти,
Когда бурмистръ нашелъ, что въ печкѣ кирпичи
Откалываетъ кто-то.—«Да это Ванька третъ»,
Стряпуха сунулась. А бабушка: «да вретъ»...
Бурмистръ задумался: «Нечистая, знать, сила...

У насъ, у мужика, разъ въ подмосковной было:
Сидятъ, а съ печи—бацъ корчага аль горшокъ,
А то метлу избой вдругъ кто-то проволокъ».
Старушка ни гугу; но въ сумерки къ полицѣ,
Какой-то свертокъ—цапъ и спрятала въ свѣтлицѣ.
Владѣлецъ вотчины въ Парижѣ проживалъ,
Домъ каменный пустой въ концѣ села стоялъ,
Какъ царство мертвое. Венеры и Психеи
Однѣ, изъ-подъ чехловъ бѣлѣя, какъ лилеи,
Шептали, помню, мнѣ: «кого здѣсь ищетъ онъ?
Уйди, ты разбудилъ; намъ снился чудный сонъ,
Намъ Греціи родной привидѣлись долины,
Гдѣ мирты, лавръ цвѣтетъ,—зеленыя вершины
Олимпа, гдѣ, звеня, неистощимый бьетъ
Кастальскій ключъ, и музъ веселый хороводъ...
О, ослибъ вы Олимпъ, да не по книгамъ, знали,—
Вы-бъ жизнь и этотъ міръ на грёзы промѣняли!»
Тѣхъ мраморныхъ богинь разсказъ звучалъ и мнѣ;
Но Ваня отъ нѣмыхъ рѣчей ихъ какъ въ огнѣ
Горѣлъ, задумчивъ сталъ и до бѣла дня ночи
Пролеживалъ безъ сна, во мракъ уставя очи.
И, кромѣ кирпичей, бурмистръ сталъ замѣчать,
Ванюшка, старую конторскую тетрадь,
Доставъ клеитъ листы... «Крестовку, видно, ладитъ?
Нѣтъ, углемъ пачкаетъ—бумагу только гадитъ...
Ты что тутъ дѣлаешь?» Но Ваня листъ свернетъ
И, опустивъ глаза, куда-нибудь уйдетъ—
Въ чуланъ, иль на чердакъ, иль къ бабушкѣ въ свѣтелку;
А та:—«писалъ бы ты, а въ этомъ мало толку
Твоемъ маранѣ... Вишь, и углемъ, кирпичомъ
Вездѣ соришь... Вонъ, мать толкуетъ ужь съ отцомъ,
Что дома съ писаремъ идетъ ученье худо;
Хотятъ къ дьячку отдать».—«А я уйду оттуда»,

Ванюша ей; а самъ, знай, у окна сидитъ
И углемъ то коня, то мужика чертитъ.
Я помню, какъ теперь, зимой сестра гостила
У насъ,—о Рождествѣ, на святкахъ это было,—
Однажды Ксенофонтъ (не греческій мудрецъ,—
Синаша, попросту, какъ звалъ его отецъ),
Приправившись, вошелъ въ токарную съ докладомъ,—
Онъ дѣлалъ какъ-то все торжественно, съ парадомъ;
—«Бурмистръ Гробищева, имѣнія Сентъ-При,
Его сіятельства и графа».—«Позови».
Отецъ точилъ тогда. Въ токарную явился
Мужикъ и мальчикъ съ нимъ, на образъ помолился,
Поклонъ отвѣсилъ. Сынъ, потупившись стоялъ
Съ нимъ рядомъ. Старика давно отецъ мой зналъ.
—«Сынишко мой, сударь... Вотъ малевать страстишка;
Писать не такъ охочь, а къ этому парнишка
Приверженъ,—безъ ѣды дни цѣлые корпитъ.
Я показалъ попу, онъ мнѣ и говоритъ:
«Въ Васильево бы ты... Тамъ живописецъ скажетъ,
Есть толкъ въ парнишкѣ, аль такъ, безъ пути, онъ мажетъ».
Рисунки изъ платка затѣмъ бурмистръ досталъ
И, развернувъ, отцу:—«вонъ, вишь, нарисовалъ».
Сюжеты: углемъ—котъ, фасадъ избы крестьянской,
И, тертымъ кирпичомъ, Паскевичъ Эриванскій.
Ванюша самъ не свой у двери, вспыхнулъ весь.
Отецъ бурмистру:—«да, талантъ... Тутъ кой-что есть»...
—«Ну, вотъ, тебѣ виднѣй, а мы не смыслимъ въ этомъ.
Въ иконахъ краски хошь, а тутъ однимъ все цвѣтомъ».
Ванюшину отцу священникъ указалъ
Нашъ домъ не даромъ; онъ и самъ владыко звалъ

Васильево, шутя, «губернскія Аѳины».
Отецъ былъ не Периклъ, но музыку, картины
Любилъ. Художникъ нашъ, въ присутствія, «царей,
Какъ говорилъ отецъ,—писалъ съ календарей».
И музыка своя;—симфоніи игрались;
Хоть я не думаю, чтобъ Гайденъ, Глюкъ остались
Довольны, и вполнѣ, такимъ вниманьемъ къ нимъ.
Самъ меценатъ не разъ: «хоть фальшимъ, а гудимъ».
Подъ старость пѣвчіе отца очаровали;
Оркестръ распущенъ былъ; Бортнянскаго пѣвали
Не дурно... Но пора мнѣ продолжать разсказъ.
Черезъ недѣлю такъ, Ванюша былъ у насъ;
Онъ жилъ во флигелѣ, покуда у Боброва,
Теньера, Вандика, Бергема крѣпостного.
Но скоро мальчикъ всѣхъ околдовалъ, плѣнилъ
Наивностью, красой природною и былъ
Взятъ въ домъ, иль «въ горницу», какъ люди называли
Помѣщичій дворецъ. Мы неразлучны стали.
Ванюша дядькѣ моему былъ порученъ,
Васильичу; со мною въ дѣтской помѣщенъ.
Учитель—богословъ, но знавшій всѣ науки,
Училъ обоихъ насъ. Часы томленья, скуки,
Я не забуду васъ всю жизнь! «Ученье—свѣтъ»,
Твердили, помню, намъ. Нельзя отвѣтить—«нѣтъ»,
А плохо вѣрилось, и бѣдный нашъ учитель
Былъ явно мученикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мучитель.
Одна ужь классная... съ чернилицей, съ доской,
Съ особымъ воздухомъ, пропитаннымъ тоской...
Сидимъ—жара, а лѣтній день, глядишь, сіяетъ,
За окнами; дворовыхъ мальчиковъ гуляетъ,
Гамитъ, безпечная, веселая гурьба;
И, въ книгу носъ уткнувъ, мы думаемъ: «судьба
Такая видно намъ; ужь правда, что ученья
Ты корень горекъ такъ, что хоть клади въ ботвѣнье

Замѣсто хрѣну». Ваня взглядъ мой раздѣлялъ—
И на тетрадкахъ все лошадокъ рисовалъ.
Не лучше дѣло шло и съ Вандикомъ у Вани:
Художникъ вспыльчивъ былъ; зрачками и носами
Замучилъ; красками охотнѣе маралъ
Ванюша,—карандашъ ему надоѣдалъ.
Но черезъ полгода рисунка два, въ Парижѣ,
Самъ графъ разсматривалъ, а черезъ годъ, иль ближе,
Ванюша вольный былъ. Кто что ни говори,
А люди были, знать, и встарь, какъ графъ Сентъ-При.
Поутру Наденька—какъ встрепанная встала.
—«Прошло, Господь послалъ», старушка толковала,
Головку пробуя вдвоемъ съ мадамъ Кутлай.
Васильичъ будитъ насъ:—«Вставайте, нонче чай,
Вѣдь, на террасѣ».—«Какъ?»—«Да, также». Въ двѣ минуты
Умылись съ Ваней мы, одѣты и обуты.
Сбѣжали внизъ, глядимъ: кипящій самоваръ
Пыхтитъ на столикѣ, пуская влажный паръ.
Цвѣтникъ мозаикой пестрѣетъ и сверкаетъ
Алмазами росы... А пчелка собираетъ
Оброкъ съ цвѣтовъ; забравшись въ лилію, сосетъ,
Не замѣчая насъ, душистый, свѣжій медъ.
Мы поздоровались и только было сѣли,
Какъ бубенцы и колокольчикъ загремѣли.
—«Отецъ... Папа!» Мадамъ Кутлай было—«куда?»
Но мы не слушаемъ. Коляска у крыльца.
Храпятъ сердешные, мотая головами,
Почтовые одры, ажь паръ валитъ ноздрями,
И мыло съ четверни ручьями такъ и льетъ.
А къ вечеру, гляди, «на тѣхъ же» повезетъ
Ямщикъ троихъ купцовъ, съ товарами, къ Макарью,
И звонко, подъ дугой, зеленой, крытой ярью,
Взвизжитъ колоколецъ, встревожа темный боръ,
Иль степи огласивъ невиданный просторъ.

—«Здоровы-ль дѣти?» Домъ нашъ будто пробудился.
Синаша, весь въ пыли, баулы торопился
Отвинчивать. «Поди, берись за край, Степанъ.
Аль нѣту, братъ, постой... Ты лучше—чемоданъ».
Отецъ, кряхтя, въ крыльцо вошелъ, ругнулъ дорогу.
Прикащику: — «Ну, какъ?» — «Все, сударь, слава Богу».
Затѣмъ меня, сестру, поднявъ поцѣловалъ,
Ванюшу по щекѣ легонько потрепалъ—
И въ садъ, къ столу. Кутлай тамъ чай имъ наливала,
Отвѣтивъ: «grâce â Dieu»—на спросъ, какъ поживала.
—«А гдѣ же дядя, братъ?» отецъ меня спросилъ.
А дядя Наденьку, взявъ на руки, ходилъ
Давно съ ней по саду, цѣлуя и лелѣя
Любимицу свою. Какъ розанчикъ краснѣя,
Подъ зыбкой аркою темнозеныхъ липъ,
Разсказывала дочь отцу, какъ няня грибъ
Нашла въ лѣсу, потомъ изъ васильковъ вѣночикъ
Ванюша сплелъ ей...—«Ну, пойдемъ же, мой дружочикъ,
А то простынетъ чай. Въ Синицыно пора».
—«Ночуй, ему отецъ.—Ужъ завтра бы съ утра».
Заслышавъ эту рѣчь, мы, дѣти, присмирѣли
И другъ на друга всѣ, сквозь слезы, поглядѣли.
Гостинцы изъ Москвы отецъ велѣлъ подать:
Для Нади—кукла, шкафъ, столъ съ зеркальцемъ, кровать,
Ванюшѣ—краски акварельныя съ кистями,
Мнѣ--Троицы модель съ домами и церквами
И всѣмъ по образку на лентахъ отъ мощей;
Мадамъ Кутлай съ замкомъ и съ ключикомъ портфель;

И шелковый платокъ, съ лиловыми цвѣтами,
По черному (старушка—потемнѣй) для няни.
Хоть каждый, помню я, гостинцу былъ и радъ,
Но... Надю увезутъ. «Послушай, милый братъ,—
Отецъ вдругъ началъ,—ты возьми-ка ребяшекъ
Съ собой въ Синицыно. Мнѣ пишетъ изъ Точишекъ
Мой староста: сосѣдъ тамъ рощу продаетъ,—
Поѣду посмотрѣть; недорого возьметъ,—
Куплю; а по пути въ Синицыно заѣду,
Ночую, ихъ возьму, да и домой къ обѣду».
Мы вспыхнули, съ сестрой отца ну обнимать.
—«Въ Синицыно! гамимъ.—Кто могъ предугадать?
Ванюша съ нами—да?»—«Возьмемъ», на это дядя.
—«Въ Синицыно!... Мы всѣ въ одну коляску, Надя...
Мы, няня, ѣдемъ къ вамъ!.. Ну, кто бы это могъ....
Ты куклу гдѣ кладешь?»—«Постойте, сшибли съ ногъ»,
Старуха намъ, чулки и фартучки считая.
—«А одного, вѣдь, нѣтъ... Михайловна, Аглая,
Голубка, въ прачешной, пожалуйста, спроси».
—«Вѣдь, ты по счету, чай?» —«Ужь лучше не бѣси.
Добьешься ты у нихъ, у окаянныхъ, счету...
А барина чулки,—на волчью на охоту
О прошломъ годѣ пріѣзжалъ,—шушутка взялъ?»
У Нади на полу, межъ тѣмъ, прощальный балъ.
Мы тожь въ числѣ гостей и съ куклою столичной
Заводимъ разговоръ.—Какъ ѣхали?—«Отлично».
А Надя мнѣ: «спроси, у васъ родные здѣсь?»
—У васъ родные?—«Нѣтъ... Вамъ не угодно-ль сѣсть?»
—Ну, вотъ нашли когда... Я куклы убираю,—
А вы играть... Гдѣ клала я платки, не знаю?
Но... «Кушать подано», буфетчикъ насъ зоветъ.
Идемъ въ столовую.—«Смотри, Кузьма ведетъ
Двухъ коренныхъ въ сарай...» Обѣдъ сегодня раньше.
—«А не заѣдемъ мы въ Снятково, къ генеральшѣ?»

Спросила Надя — «Нѣтъ, дорога тамъ худа.
Мы на Гробищево».—«Какъ, къ Ванѣ?» —«Да, туда.
Онъ повидается, а мы напьемся чаю».
Ванюша нашъ разцвѣлъ; я тоже поливаю
Рубашку соусомъ и масломъ, торопясь
Скорѣй поѣсть, и въ путь. Вотъ встали всѣ, крестясь
На образа. Отецъ:—«постойте, не готово...
Я тоже въ ночь махну; доѣду до Писцова,
Переночую тамъ». Затѣмъ онъ Надю взялъ
За ручки пухлыя и на ногахъ качалъ.
Плутовка трусила, но звонко хохотала...
А тамъ уже къ крыльцу коляска подъѣзжала,
И тройкою Якимъ качалку подавалъ.
—«Присядемъ». Сѣли всѣ, кто гдѣ, куда попалъ.
—«Готово?»—«Точно такъ». Мы встали, помолились
И весело съ отцомъ на сутки распростились.
А у крыльца ужь ждетъ толпа друзей-ребятъ, —
Пришли проститься; къ Надѣ ближе норовятъ.
У няни на рукахъ, нарядная, какъ фея,
Она тянулась къ нимъ, отъ радости краснѣя.
Пучочекъ васильковъ—одна, другой—грибокъ,
Подпасокъ вырѣзалъ витой ей подожокъ.
—«Ну, что-жь, благодари», мадамъ Кутлай, влѣзая
Въ коляску, было, ей. Но Надя, забирая
Подарки, ничего не видитъ, хоть глядитъ...
А няня:—«выпадетъ, сейчасъ вотъ полетитъ!»
И васильки, и грибъ не держатся въ ручонкахъ,
И подожокъ витой... А на лицѣ, въ глазенкахъ,
Сіяетъ радость, —да такая, точно ей
Корону поднесли изъ дорогихъ камней.
—«Пошолъ! Счастливо»... Кони тронулись. «Прощайте!»
Ребятки вслѣдъ:—«вы, барышенка, пріѣзжайте
Опять«. Цѣня признательность, дѣтей гурьба,
Бѣгомъ, задворками, и, смотримъ, у столба,

Съ количествомъ дворовъ и душъ мужского пола,
Какъ выросли изъ-подъ земли, стоятъ и снова:
—«Прощайте, барышня! На святкахъ къ намъ сюда;
Опять нарядимся».—«Постойте, голубка»...
—«Ну, вотъ еще»...—«Возьми!...» Нашъ кучеръ разсердился,
Но внялъ мольбѣ, и мальчикъ своего добился;
Плетюшку съ голубемъ отдавъ, онъ просіялъ:
— «Рушно́й, изъ рукъ клюетъ, самъ въ избу прилеталъ...»

Четверка приняла; вотъ церковь миновала
И между стѣнокъ ржи коляска завиляла.
Клубилась сзади пыль, сіяло все кругомъ;
А Наденька, припавъ къ плетюшкѣ, голубкомъ
Ручнымъ,—какъ вешній снѣгъ на солнцѣ, чистымъ, бѣлымъ,—
Знай любовалася, и щечкамъ загорѣлымъ
Пощады нѣтъ отъ солнца, шляпка на спинѣ.
Катимъ —и черезъ часъ въ Ванюшиномъ селѣ.
Бурмистръ насъ у воротъ съ поклонами встрѣчаетъ,
Старушка, впопыхахъ, куръ въ двери выгоняетъ:
— «Пошли, проклятыя! Покоя нѣтъ отъ васъ...
Желанные!.. Вотъ я... Вишь, грязь вездѣ у насъ».
Ванюши мать бѣжитъ: «Вотъ гости дорогіе!
Откуда вы? Куда?... И Ваня мой... Родные...»

И тутъ всѣ на нее, счастливицу, глядятъ
И каждое словцо пустое, каждый взглядъ,
Улыбку ловятъ, льстятъ, точь-въ-точь своей царицѣ
Придворные.— «А не прохладнѣе-ль въ свѣтлицѣ?»
Бурмистръ спросилъ.—«Да, у тебя-таки тепло»,
На это дядюшка; и общество вошло
Въ свѣтелку; на стѣнѣ я, первое, замѣтилъ
Паскевича.—«Ты съ этого?»... Хоть не отвѣтилъ
Мнѣ живописецъ ничего, но я узналъ
Кирпичной копіи лубокъ-оригиналъ:

Фельдмаршалъ на конѣ, сраженье подъ ногами,
Онъ съ саблею въ рукѣ, изъ пушекъ дымъ клубами...
Работникъ самоваръ пылающій несетъ;
Хозяйка липовый, прозрачный, свѣжій медъ
Поставила на столъ, отъ мухъ оберегая;
Хозяинъ, синія тарелки разставляя
Съ орѣхами; «вотъ позабавьтесь», приглашалъ
Дѣтей. Ванюши не было; онъ къ сверстникамъ удралъ.
— «Добро пожаловать», хозяйка намъ шептала,
Краснѣя, что заря. И юный слухъ ласкала
Ты, теплая моя, родная наша рѣчь...
И мнѣ, тогда, ужь васъ хотѣлось приберечь
Слова старинныя сердечнаго привѣта,
Лучи отъ горняго, не гаснущаго, свѣта.
Любви родникъ ключомъ въ родимомъ словѣ бьетъ:
Поетъ ли мо̀лодецъ про удаль, что зоветъ
Въ чужу сторонушку, природу-ль величаетъ,
И тамъ, дорогу-путь—«дороженькой» ласкаетъ,
Рѣчонку—«рѣченькой»... «дубровушка»—не лѣсъ,
А зо̀рька—«зоринька»... До, синихъ, до небесъ,
До «кра̀сна солнышка», съ закатомъ и восходомъ—
Все приголублено роднымъ моимъ народомъ.
Но, кромѣ сверстниковъ, Ванюша долгомъ счелъ,—
Подите-жь, свѣтскія привычки пріобрѣлъ,—
Богинямъ, граціямъ нижайшее почтенье
Визитомъ выразить. Желая, безъ сомнѣнья,
И насъ вниманія безсмертныхъ не лишить,
Меня и Надю взялъ съ собой. «А поспѣшить
Намъ надобно,—Кутлай и дядя.—Вишь, гроза
Сбирается». Но Надя, точно стрекоза,
Густой травой, дворомъ, въ припрыжку—прямо къ дому;
Мы—въ перегонку. Словъ не тратя попустому,
Мадамъ Кутлай молчитъ; а няня, знай, ворчитъ:
—«Измяла платьице...• Зачѣмъ, куда бѣжитъ?

Лежалъ на днѣ, ручной, прижавшись, голубокъ;
Зачуявъ, знать, грозу и онъ, какъ мы, примолкъ.
Вотъ молнія огнемъ все небо освѣтила
И нянюшка, крестясь, «святъ, святъ», проговорила.
«Креститесь». Страшный трескъ, что тысячи ракетъ,
Раздастся и опять раздвинетъ тучу свѣтъ;
И полымя стоитъ, ударомъ угрожая.
Притихли всѣ въ избѣ, а няня—какъ нѣмая.
—«Проходитъ», дядя намъ, уставившись въ окно.
А дождь—какъ изъ ведра; надъ бо̀ромъ разсвѣло.
Удары тяжкіе подалѣ грохотали...
На улицѣ, толпой, мальчишки напѣвали,
Знакомую чай всѣмъ: «ты, дождикъ, перестань;—
Пройдешь, поѣдемъ мы», зачѣмъ-то, «во Рязань».
«Кресту» хотѣлось бы въ Рязани «помолиться»
И «Спасу», мѣстному, ребяткамъ, поклониться»:
Заслышавъ пѣсенку, мы ожили тотчасъ.
Ребятъ послушалъ дождь,—прошелъ, и черезъ часъ
Мы ѣхали домой. Какъ послѣ слезъ горючихъ
Легчаетъ на душѣ, такъ солнце межъ плывучихъ,
Разорванныхъ въ клочки, проплакавшихся тучъ,
Кидало на поля прощальный теплый лучъ.
Взирая на закатъ, природа улыбалась
И солнцу на ушко: «вѣдь, ты не разъ прощалось,—
Воротишься опять». Стемнѣло. Ночь идетъ.
Туманъ сѣдой съ рѣки, что водяной, встаетъ...
И, точно плутъ-глазокъ дѣвицы-чаровницы,
Мигали надъ лѣскомъ, по синевѣ, зарницы.

III.

Какъ мы пріѣхали, описывать не стану;
Упомяну одно: Діанкѣ и Баяну,
Лягавымъ дядинымъ, былъ праздникомъ пріѣздъ.
То къ дядѣ, то къ Кутлай Баянъ въ объятья лѣзъ;

Діанка нянюшку за платье теребила,
А Надю на крыльцѣ чуть-чуть не повалила.
Мы домомъ пробѣжавъ, съ Ванюшей тотчасъ въ садъ;
Тамъ все по-старому: столѣтнія стоятъ
Въ аллеѣ липы, прудъ съ плотиной; вотъ и баня...
—«Эй, полуночники!» съ крыльца кричала няня.
Мы воротилися, усѣлись за столомъ
И послѣ ужина заснули крѣпкимъ сномъ.
Вотъ, приблизительно, подробности прибытья—
Пустого въ сущности, неважнаго событья.
Синицыно село... (подъ пашней десятинъ
Должно быть... Справлюся.....Я зналъ, да позабылъ)—
Прадѣднее гнѣздо, помѣстье родовое;
Луга поёмные... Имѣніе большое.
Я помню, какъ теперь, сосѣди всѣ въ одно:
«Синицыно у нихъ—что золотое дно».
Но днемъ его назвать нельзя, я полагаю:
Огромная гора... Да, я другой не знаю.
Бывало шестерикъ дормезъ едва везетъ
По глинѣ: а, межъ тѣмъ, синицынскій заводъ—
Темногнѣдая масть—считался не послѣднимъ;
Хоть, правда, жеребцы скорѣе долголѣтнимъ,
Почтеннымъ возрастомъ похвастаться могли,
Чѣмъ юностью. Ружье, лягавыя влекли
Сильнѣе дядю, чѣмъ породистые кони.
Охоту, рыбныя въ рѣкахъ, въ озерахъ тони
Старикъ любилъ,—да какъ?—ночей не досыпалъ,
За то бекаса въ летъ, безъ промаха. стрѣлялъ.
Оранжереи двѣ... Я вамъ могу поштучно
Деревья перечесть, да не было бы скучно?
Я лучше поведу васъ прямо въ барскій домъ.
Съ подвалами внизу, дубовый, съ чердакомъ.
И не порожнимъ,—нѣтъ, съ старинными вещами;
Нельзя пренебрегать такими чердаками.
Я помню, тамъ лежалъ негодный разный хламъ.

Чердакъ—музей. Чего тамъ не было? Экранъ
Канвовый, съ пудреной пастушкою въ робронѣ;
Ботфортъ худой,—другой утраченъ; на поддонѣ
Гранитномъ бронзовый Юпитеръ, иль Зевесъ
(Онъ послѣ проданъ былъ за пустяки, на вѣсъ);
Треухъ прабабушкинъ, уникъ открытый Надей
(Шалунья въ немъ явися разъ, и съ нами, съ дядей—
Чуть-чуть истерика не сдѣлалася, смѣхъ...
Мнѣ Ваня срисовалъ потомъ ее; на грѣхъ,
Я потерялъ его рисунокъ акварельный);
Съ амурами, рѣзной, съ стрѣлами, верхъ постельный;
Какой-то храмъ, руины, краской клеевой
Написаны: картонъ, открытый, помню, мной;
Двѣ трехуголки Павла времени, рапира,
Четверкой фаэтонъ—должно быть Фебовъ, лира,
Латунной жести мечъ, изломанный шишакъ
И молью съѣденный, съ гремушками, колпакъ.
Всего не перечтешь... Что день, мы открывали
Новинку старую, пока насъ не прогнали.
Отсюда мы пройдемъ на верхъ, на мезонинъ,
Съ двумя балконами—на дворъ и въ садъ одинъ,
У дѣтской Наденьки... Но видъ какой оттуда!
Рѣка, нашъ городокъ и селъ съ полсотни. Чудо!
Ванюша мнѣ и видъ, было нарисовалъ:
Съ натурой посравнивъ, однако изорвалъ.
Цвѣтущіе луга, поля лежатъ коврами;
На синей полосѣ необозримой дали
Бѣлѣли церкви; ближе городокъ стоялъ,
Какъ на ладони весь; я признаюсь, желалъ
Всегда имъ любоваться издали, съ балкона,—
Вблизи онъ былъ тогда ни пава, ни ворона.
Домъ этотъ выстроенъ, преданье есть, назадъ
Лѣтъ двѣсти. Кѣмъ, зачѣмъ?... Источники молчатъ.
Старинная семья дворянская родилась,
И воля Божья, въ немъ, потомъ надъ ней творилась.

Полкладбища столбовъ, гранитныхъ урнъ и плитъ
Съ фамиліей одной, въ Синицынѣ. «Лежитъ»,
Или: «покоится здѣсь бригадира тѣло».
«Скончался, въ мартѣ, годъ»... Кому бъ какое дѣло?
Нѣтъ пишутъ все... Пониже стихъ: «прохожій стой.
А дальше стерлося, и не прочтешь. Другой
Украшенъ былъ фигурою печальной
Изъ мрамора; но мальчикъ что-ль, рукой нахальной,
Въ крапиву статую безжалостно столкнулъ?
На прочихъ просто текстъ: Господь бы помянулъ
Дворянъ угасшій родъ во Царствіи небесномъ.
И лучше: что въ стихѣ, положимъ, даже лестномъ?
Въ фамильномъ рядѣ лицъ дворянъ почтенныхъ лѣтъ,
Солидныхъ дамъ, дѣвицъ, я помню, былъ портретъ
Прекрасной женщины, въ воздушномъ платьѣ бѣломъ;
Куда бы я ни шелъ—гулять, или за дѣломъ, –
Невольно на портретъ хоть бѣглый кинешь взглядъ;
Головка нѣсколько отброшена назадъ,
А синіе глаза, куда бы вы ни встали,
Вездѣ васъ, какъ на зло, привѣтливо встрѣчали;
Изъ рамы выставясь, какъ будто: «погоди».
Шептала мнѣ она:—«побудь здѣсь не ходи,
Къ живымъ; тамъ вѣчно шумъ, да пересуды, ссоры;
А на день ладъ,—пошли пустые разговоры:
Такой-то померъ, тотъ обласканъ при дворѣ,
Пожаръ недавно былъ на Свѣточей горѣ,
Республику хотятъ устраивать французы,
А шляпы брошены и носятъ всѣ картузы».
Мой дядя никогда въ портретной не бывалъ;
Однажды, впрочемъ, я его тамъ поймалъ...
Онъ передъ ней стоялъ, на грудь скрестивши руки
И старой головой качая: «день разлуки,
Шепталъ,—какъ бы вчера... А мнѣ за пятьдесятъ»
Меня увидя, онъ: «забылъ, должно-быть, братъ

Портреты попромыть прислать ко мнѣ Боброва.
И рамы бы пора мнѣ вызолотить снова».
Въ Синицынѣ еще могу вамъ показать
Ружейную; знатокъ, охотникъ пострѣлять,
Увѣренъ я, скорѣй за будуаръ графини
Ругнетъ меня, а не за это. Лазарини
Лазàро Коминàцъ, граненый, длинный стволъ,
Желѣзо точно воскъ; онъ къ дядѣ перешелъ,
Въ тринадцатомъ году, отъ короля Мюрата;
Коляска короля была Донцами взята.
Дэлѐти, Стàрбусъ бьютъ на семьдесятъ шаговъ,—
И бекасинникомъ,—Гаврило Пермяковъ,
Франчини, длинные, съ чеканкой пистолеты,—
Поддоны красота, а на замкахъ портреты
Веронца мастера и, надо быть, жены—
Одной, какъ говорятъ, съ супругомъ сатаны...
Кинжалы были; но оружіемъ холоднымъ,
Броней старинною иль чѣмъ-нибудь подобнымъ,
Нашъ скромный арсеналъ похвастаться не могъ.
Дамасскій сабельный былъ недурной клинòкъ,
Стилетъ съ билетикомъ: «купилъ у итальянца»;
Палашъ заржавленный, дрянной, Жозефа Франца;
Суворовъ дѣдушкѣ на память, подарилъ,—
Должно-быть Австрію мой дѣдушка любилъ.
Вотъ библіотека... Не лучше-ль, впрочемъ, мимо
Пройти? Здѣсь все, что, такъ сказать, необходимо
Для дворянина было переплесть въ тотъ вѣкъ
И за стекломъ имѣть; такъ всякій человѣкъ
Благовоспитанный тогда имѣлъ Вольтера,
И Монтескьё «Законовъ духъ», Руссо, Мольера;
Радклифъ, Клопштокъ, Расинъ, Тацита переводъ,
Плутархъ для юношей, имѣлись, Вальтеръ-Скоттъ—
Маркизъ Глаголь—романъ, Булгаринъ, Сумароковъ,
Хемницеръ, Коцебу, и цѣлый рядъ уроковъ,
Иль разговоровъ, съ фразами:—«Вы каковы?

Каковъ вашъ батюшка?»—«Имѣлъ боль головы».
Журналы... Но о нихъ... Всѣ эти Галатеи,
Сыны Отечества, Записки, Атенеи—
Исчахли до того, что тошно поглядѣть.
Что, наши будутъ ли отъ времени блѣднѣть?
Одной тебѣ, моя народная, живая,
Рѣчь богатырская, цвѣсти, не отцвѣтая!
За то ты рождена на волѣ, и заря
Крестила съ солнышкомъ, красавицу, тебя.
Лелѣя во лугахъ, въ поляхъ, подъ небесами,
Подъ яснымъ мѣсяцемъ и частыми звѣздами,
Тебя народъ вѣка̀, что сокола, носилъ,
Слезой отпа̀ивалъ и пламенемъ вскормилъ,
Мы утромъ пили чай у Нади, въ мезонинѣ.
Мадамъ Кутлай внизу этюдъ на клавесинѣ
Играла... Помню я, и живо, этотъ день:
Бѣжало облачко, на лугъ кидая тѣнь;
Изъ сада вѣяло скоше́нною травою
И пахло липою... Полуденной жарою,
Мы, истомленные, лежали на полу,
Передъ балкономъ, въ дѣтской; въ комнаткѣ въ углу,
Прижавшись, ворковалъ надъ кормомъ голубь бѣлый...
Краснѣя, нянюшка, какъ персикъ перезрѣлый,
Намъ объявила: «Вы останетесь всѣ здѣсь.
Профессора везутъ; въ спожинки же развезть
Хотятъ васъ всѣхъ, и Наденьку, по пансіонамъ
Французскимъ нѣкакимъ... Ну, словомъ—къ фармасонамъ».
Ей Ваня:—а меня?—А нянька: «И тебя
Въ каку-то академь... Не выговорю я».
Я долженъ... Надо бы, на драматурговъ глядя,
Въ началѣ,—но мнѣ здѣсь она велѣла, Надя,—
Я второпланныхъ долженъ дѣйствующихъ лицъ
Представить; въ колесѣ, вѣдь, нѣтъ послѣднихъ спицъ.

Всѣ нужны: вынь одну—и колесо непрочно;
Попробуйте на немъ проселкомъ... Такъ же точно
И въ жизни, въ повѣсти...
Я послѣ разузналъ,
Кто нянькѣ грустную новинку разсказалъ;
Она отъ Ѳедора развѣдала, отъ брата,
О томъ, что насъ хотятъ развезть; хоть воровата
Была старуха, но и насъ не проведешь.
Онъ камердинеръ былъ; отъ нихъ не сбережешь
Секретъ. Да, раздѣваясь, вдругъ, на грѣхъ, вздохнешь?
А часто самъ съ собой бормочешь, рѣчь ведешь:
«Вотъ, ходитъ индюкомъ, а мы-то величаемъ».
И камердинеръ вашъ, глядишь, сквозь зубы: «знаемъ,
Ты про кого». Нашъ Ѳедоръ Тихонычъ читалъ;
Любилъ Державина; я помню, представлялъ
Его точь-въ-точь, двѣ капельки воды, бывало;
И няня—братъ вѣдь ей,—все на меня ворчала:
«Тебя постарше онъ; дразниться—это грѣхъ
Великій. Подымать не слѣдъ людей на смѣхъ.
Безъ времени-поры не смѣйтесь надъ другими;
Посмотримъ, сами-то вотъ будете какими». .
Онъ первый теноръ былъ въ капеллѣ у отца,—
Село Синицыно, какъ самодаръ-сума,
Сосужало щеголя Васильево груздями,
Овсомъ-кустовикомъ, коньми и тенорами.
Такъ Ѳедоръ Тихонычъ лѣтъ десять украшалъ
Нашъ хоръ Васильевскій, но голосъ потерялъ.
На счастье, обладавъ наружностью счастливой,
Взятъ къ камердинеры; не камердинеръ—диво
Ѳедюша былъ; смышленъ,—ну, точно Фигаро
У Бомарше,—красивъ и не одно село
Свое съ ума сводилъ,—дѣвицъ я разумѣю,—
Сусанны дальнія кидалися на шею

Ему на перебой, пока одна, своя,
Не побѣдила всѣхъ; плутъ-дѣвушка, швея;
На Невскомъ у мадамъ француженки училась
Лѣтъ пять никакъ, иль шесть, — ну, тамъ и навострилась.
А до помолвки съ годъ сестра-славянофилъ
Влюбленныхъ ссорила, но выбилась изъ силъ...
И кончилась вражда любовью, примиреньемъ,—
Плѣнила нянюшку невѣстка «обхожденьемъ».
Конечно, не такихъ невѣстъ имѣть онъ могъ,—
Купчихи сватались; въ уѣздный городокъ
Нашъ хоръ ѣзжалъ не разъ къ судьѣ на именины.
«Скажи ми, Господи, Ты день моей кончины».
Я помню, плакали, когда споетъ теноръ,
И, будто туча свѣтъ, покроетъ голосъ хоръ...
Но Ѳедоръ Тихонычъ былъ счастливъ со швеею:
Всѣ любовались имъ, да, помню, и семьею.
Но такъ какъ на землѣ сей совершенства нѣтъ,—
Безъ тѣни и нельзя... Вѣдь, скучно, свѣтъ, да свѣтъ,—
По праздникамъ большимъ, на барскихъ именинахъ,
Подъ новый годъ, на масляной, иль на крестинахъ,
Не часто, разъ пятокъ, такъ, въ годъ, онъ подпивалъ,
И жаръ поэзіи имъ тутъ овладѣвалъ.
Жена и нянюшка хлопочутъ, суетятся,
А у него стихи все на умѣ вертятся.
Жена ему: «Пусти, пирогъ, вѣдь, подгоритъ».
Нашъ Ѳедоръ Тихонычъ немножко помолчитъ
И за свое: «Постой, прислушайся, внемли...
Да брось ты это все!... «Вы, сильные земли»...
Жена ему: «Чудакъ, вѣдь будемъ безъ жаркова»...
А онъ: «Ты дерево и чувства никакого».
Параша, дочь у нихъ, красавица была,
Погодки съ Надею и вмѣстѣ съ ней росла;
И, по отцу, контральтъ, и не дурной, имѣла:
Мадамъ Кутлай хоралъ, дуэты съ нею пѣла.

А Ѳедоръ Тихонычъ, бывало, подойдетъ
Къ дверямъ и слушаетъ, какъ дочь его поетъ...
Мудренъ, хитеръ узоръ въ житейской паутинѣ...
Кѣмъ назидались мы? И кто нашъ мѣнторъ нынѣ?
Сегодня ужь не тотъ, какимъ я былъ вчера;
Домой катишь не тѣмъ, какимъ ушелъ съ двора,
Чтобъ сдѣлать два иль три ненужные, визита;
Линяешь каждый часъ, и, право, шито-крыто—
Меня ли учитъ кто, иль я кого учу,
Когда самъ надъ собой труню или ворчу?
Да не далеко взять: гдѣ Наденька добилась
Такого слуха тонкаго, чутья? Лѣнилась,
За гаммою зѣвала; вамъ мадамъ Кутлай
Разскажетъ, какъ съ ней билась... Случайно, невзначай,
Я разгадалъ, кто былъ наставницей,—Параша
Съ своею пѣсенкой. Вѣдь, это, воля ваша,
Билиберда, сумбуръ; и какъ тутъ разберешь,
Подумайте, гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь?
Да, послѣ этого... Она стихи цѣнила
И, съ дѣтства, мысль иль искру чувства находила
Въ трезвонѣ площадномъ, какъ бабушкинъ треухъ
Въ ненужной ветоши... Откуда этотъ слухъ?
Что-жь, Ѳдоръ Тихонычъ, вы скажете, вліяли?
Стихи они одни, какъ подопьютъ, читали.
Моложе будучи, я сразу порѣшалъ,
Кто, что откуда взялъ; но, позже, спасовалъ.
Я могъ бы всю вину свалить на мать-природу,
Иль на дворянскую, старинную породу.
У предковъ, и у ней, античный профиль былъ;
Но ни одинъ изъ нихъ оцѣнщикомъ не слылъ
Изящества въ стихѣ, иль въ музыкѣ, въ скульптурѣ;
Какъ тутъ искать причинъ въ крови, или натурѣ?
Хоть бы въ Аѳинахъ,—ну... нѣтъ, въ Спартѣ вѣдь, въ селѣ

Синицынѣ, гдѣ годы цѣлые въ пальбѣ
Изъ штуцеровъ, въ поляхъ отъѣзжихъ, пролетали,
Гдѣ только и рѣчей,—бекасовъ сколько взяли,
О прошлой осени, на Марьиной горѣ,
Иль тяга будетъ ли на утро по зарѣ,
И какъ досадно, что годъ отъ года болѝта
Пересыхаютъ. Всё—охота и охота.
Бывало, только что Кутлайша за этюдъ,
А за окошкомъ—бацъ... Собаки заревутъ
И опрометью въ садъ... Она: «mein Gott», а Ѳедя:
«Винтовки пробуютъ; сегодня на медвѣдя».
Вы читывали-ль вязь, изъ русскихъ буквъ узоръ,
На старыхъ чаркахъ? Взоръ сперва встрѣчаетъ вздоръ:
Онъ, вѣди, двѣ ѳиты, зачѣмъ-то вдругъ, мыслете,
Двѣ ижицы рядкомъ, а подлѣ нихъ живете.
Но вы, знай, стотрите; досадно стало вамъ...
Вы пристальнѣй, и вдругъ—конечно, по складамъ,—
Читаете: «любовь»,—тире—«сосуду злѝту
Подобна; не разбьется». А внизу, по мѝту:
«Аще и погнется». Вѣдь, вотъ, и въ жизни такъ...
Про одного кричимъ: «тупица, дрянь, дуракъ».
А про другого: «онъ лишь хлѣбъ жуетъ на свѣтѣ».
Но всмотришься, глаголь, а тотъ, глядишь, мыслете;
И въ изреченіи попробуйте безъ нихъ:
Либо нарушенъ смыслъ, либо не вышелъ стихъ.
Кавычка, титло, крюкъ—и тѣ необходимы;
Сотрите ихъ—и надписи необъяснимы.
Вотъ почему нельзя, не въ правѣ я никакъ,
Фиделя пропустить; хоть онъ большой чудакъ,
Но, можетъ—титло, знакъ, крючокъ или кавычка,
Тире, иль важная для мысли перемычка?...
Фидель венгерецъ былъ; другіе говорятъ—
Русинъ; есть даже мнѣніе, что онъ хорватъ
Изъ Венгріи. Фидель пришелъ съ Наполеономъ

Въ Москòвію, солдатомъ, съ польскимъ легіономъ;
Послѣ кампаніи, ворочаясь въ морозъ,
На родину свою, онъ отморозилъ носъ,
Отсталъ отъ арміи, къ старухѣ въ плѣнъ, крестьянкѣ,
Попалъ и дядѣ сданъ на полковой стоянкѣ.
Охотникъ до собакъ, порядочный стрѣлокъ,
Онъ дядю тотчасъ же расположилъ, привлекъ
Къ себѣ. Шинель въ дырахъ—не спорщица съ морозцемъ;
Герой махнулъ рукой и сталъ оруженосцемъ.
Двустволки чистилъ онъ, щенятъ дрессировалъ,
Плелъ ягдтажи, картечь и пули отливалъ.
«Фиделемъ» прозванъ былъ отъ дяди онъ не даромъ:
Гусаръ сманить хотѣлъ, но воинъ съ тѣмъ гусаромъ,
Богатымъ графчикомъ, уйти не пожелалъ
И до кончины дней на лаврахъ почивалъ
Въ Синицынѣ. Сѣдой, сутулый, молчаливый,
Съ короткой трубкою въ зубахъ, неторопливый,
Съ усами, въ куртκѣ синей, въ длинныхъ сапогахъ,
Картузъ кибиткою изъ кожи; весь въ ремняхъ;
Парфорсы, торока, кисетъ, при немъ огниво,
Собака у ноги, двустволка... Но «счастливо»
Попробуй кто-нибудь скажи ему, когда
Идетъ онъ на поле задворками. Бѣда!
Изъ-подъ сѣдыхъ бровей сверкнетъ на васъ глазами,
Пріостановится—и угоститъ словцами.
Будь это женщина, прикащикъ, дворянинъ,
Ужь не прогнѣвайтесь, привѣтъ тутъ всѣмъ одинъ.
Разъ въ годъ, а то и два,—но чаще не случалось,—
Двухстволка, а подчасъ и куртка оставалась
У цѣловальника на Ёмснѣ, въ кабакѣ;
Обезоруженный являлся налегкѣ
Въ Синицыно, а то телѣга посылась
Въ тѣ злачныя мѣста, гдѣ тѣло обрѣталось.
Синицыно давало цѣлый рядъ картинъ

Изъ прошлаго... Да, Дмитрій Шепиновъ одинъ,
Прикащикъ, пѣхтурой прибредшій изъ Парижа,
Гдѣ барина похоронилъ... А не минешь, я вижу,
Хоть мимоходомъ, вскользь, его представить вамъ:
Когда въ Парижъ летѣть приказано орламъ
Россійскимъ, по слѣдамъ Наполеона, было,
Другой мой дядя, шефъ полка (его могила—
Не здѣсь, во Франціи), израненный взятъ въ плѣнъ
Французами въ предмѣстьѣ, да у самыхъ стѣнъ
Парижа,—заболѣлъ, чрезъ полгода скончался,
И Шепиновъ одинъ во Франціи остался.
Покойный шефъ, отъ молодыхъ ногтей, питалъ
Страсть къ брилліантамъ, полъимѣнья промоталъ
На нихъ. Слуга безъ франка, по его кончинѣ,
Остался сиротой въ Парижѣ, на чужбинѣ.
Продать коллекцію, остаться и живи
Пропріэтеромъ,—за границею ищи.
Но Дмитрій Шепиновъ нашъ былъ не изъ таковскихъ,—
На блага не смѣнялъ краевъ родныхъ, отцовскихъ,
И съ палкою, съ сумой, на родину прибрелъ,
За поясомъ храня чуть-чуть не милліонъ.
Отецъ мой, дядя—всѣ той честности дивились.
Ну, нынче бы не такъ, какъ онъ распорядились.
Наталья Дмитріевна столѣтняя, отца
И дяди нянюшка, и рода и села
Живая лѣтопись. Усѣвшись на лежанку,
Въ сумерки, въ дѣвичьей, про барыню-крестьянку,
«Лѣсную бабушку», разсказывать начнетъ:
Какъ бабушка сама полола огородъ,
Какъ дѣвокъ день и ночь за пряжею морила,
Бумажки въ коробахъ какъ бабушка сгноила;
Первѣйшей при дворѣ штатсъ-дамою была,
Вдругъ Питеръ бросила, кареты продала,
Въ деревнѣ, да въ избѣ,—отъ прежней-то отъ нѣги,—

Вѣкъ вздумала дожить, а ѣздила въ телѣгѣ...
Скупа была, кажись, посереди зимы,
Кусочка льду не дастъ, кому нибудь, взаймы;
Деньжищъ за милліонъ штатсъ-дама накопила,
Не ѣла, не пила, да чорта и купила.
Слѣпой старушки той о дняхъ былыхъ разсказъ
То вспыхивалъ огнемъ, то путался подчасъ...
Такъ въ печкѣ угольки, когда дрова сгорѣли,
Зардѣются, блеснутъ и, смотришь, потемнѣли,
Чуть тлѣются, слегка прикрывшись пепелкомъ;
Потухнутъ,—гдѣ горѣть, разставшись съ огонькомъ.
И той священный ликъ живой передо мною,
Другъ вѣрный, духовникъ,—богатый нищетою,
Высокій кротостью, смиреніемъ. Твои
Совѣты и любовь, какъ сельскіе огни,
Донынѣ свѣтятъ мнѣ, средь жизненной метели,
И сердце грѣютъ такъ, какъ въ дѣтствѣ, помню, грѣли.
Маститый старецъ самъ пахалъ и боронилъ;
Не разъ ему отецъ: «вѣдь ты и старъ и хилъ,—
Ну, что тебѣ съ сохой на старости возиться?
Съ тобой, ты знаешь, мы готовы всѣмъ дѣлиться».
Но старецъ, покачавъ серебряной главой:
—«Спасибо за любовь, за ласку, мой родной!
Немного надо мнѣ на жизненномъ закатѣ;
Но не лишай меня ты этой благодати...
Вѣдь выйдешь въ полюшко—спокойство, тишина,
А въ рощѣ рай земной, березонька, сосна...
Вотъ солнышко взошло, кругомъ все обогрѣло,
Молитву сотворишь—и примешься за дѣло».
Бывало подойдемъ со страхомъ предъ налой,
Ты насъ благословишь мозолистой рукой
И кротко, точно мать: «проститься, дѣтки, надо».
—Прости насъ.—«Богъ проститъ. Молитесь. Рцы ми, чадо».
И послѣ какъ легко на сердцѣ, на душѣ...

Теперь, святый отецъ, ты не сказалъ бы мнѣ:
«Съ такихъ-то грѣшниковъ, какъ ты, самъ Царь небесный
Не взыщетъ, а проститъ». Твой взоръ спокойный, честный,
Проникнувъ въ глубь души, израненной, больной,
Увлаженъ былъ бы, днесь, слезой, и не одной.
Распутица, а ты, пѣшкомъ, идешь съ дарами,
Съ открытой головой; сребристыми власами
Играетъ вѣтеръ; дождь, гроза, иль вьюга вей,
Ты ихъ не переждешь, и алчущихъ дѣтей
Скорѣе накормить спѣшишь небесной пищей,
Будь званный то богачъ, или избранный нищій.
Но горе съ радостью сосѣдями живутъ.—
«Профессора съ Москвы какого-то везутъ»,
Намъ нянька на ушко тихонько сообщила,
И къ вечеру, глядимъ, коляска подкатила
Къ крыльцу... Сидитъ отецъ и гость какой-то съ нимъ;
Мы въ залу; у дверей всѣ кучкою стоимъ.
Профессоръ снялъ шинель, взглянулъ и какъ-то строго
На насъ. Отецъ, здороваясь: «я опоздалъ немного.
Вотъ гость пріѣхалъ къ намъ. Его давно я ждалъ».
«А гдѣ вашъ дядя? Братъ?» Но дядя полевалъ;
Тетеревей нашелъ Фидель четыре взводка;
Въ полматки, ранніе. Въ іюлѣ—кладъ находка.
Отецъ съ профессоромъ усѣлись кушать чай;
Но чашкѣ налила и намъ мадамъ Кутлай.
Но мы, не торопясь, нарочно, долго пили
И изъ подлобья за профессоромъ слѣдили.
«Профессоръ», Наденька шептала Ванѣ, мнѣ;
«Профессоръ»!—и у насъ вертѣлось на умѣ.
Отъ няньки знали мы, что намъ экзаменъ будетъ;
Я на ухо Кутлай: «а долго онъ пробудетъ?»

—Не знаю. Гость молчалъ; завелъ свои часы.
Отецъ ему: «наборъ съ такой-то полосы
Объявленъ». Гость въ отвѣтъ на это только крякнулъ.
За садомъ, на лугу, ружейный выстрѣлъ брякнулъ.
«Вотъ возвращается съ охоты, видно, братъ»,
Отецъ замѣтилъ; гость взглянулъ въ окошко въ садъ.
Подробности пишу я эти вамъ нарочно;
Вы скажете: «зачѣмъ? Вѣдь, это просто тошно».
Что-жь дѣлать, помнится и чай, и разговоръ...
И почему бездѣлицу иную, вздоръ.
Изъ головы не выбьешь,—а что нужно, дѣло,
Глядишь, черезъ годокъ-другой и улетѣло?..
Я помню, напримѣръ, профессора жилетъ
Изъ желтаго пикэ, цѣпочку, туалетъ
Дорожный, кисть, ремень и бритвы; какъ онъ брился
Въ уборной желтенькой, гдѣ жить расположился.
Хоть правда, что для насъ онъ самъ, его пріѣздъ
Загадки были, вѣдь; потомъ ученыхъ звѣздъ
Не видывали мы... А тутъ еще экзаменъ
Онъ будетъ дѣлать намъ; теперь нашъ страхъ забавенъ,
Теперь профессоровъ видалъ я, но тогда
Струхнули-таки мы, да какъ еще, бѣда!
Разсказывать о томъ, какъ появился дядя,
Какъ познакомились и какъ, Діанку гладя,
Профессоръ объявилъ, что самъ ружье любилъ,—
Не стану я. Скажу лишь, онъ расположилъ
Насъ нѣсколько къ себѣ вниманіемъ къ Діанкѣ...
Подите-жь? Не съ лица, а иногда съ изнанки
Товаръ-то узнаешь хорошъ онъ или нѣтъ.
Профессоръ былъ ни старъ, ни молодъ; среднихъ лѣтъ,—
Тѣхъ лѣтъ, когда лицо пріобрѣтаетъ свойство
Такое, что стихомъ риѳмованнымъ геройство
Его описывать... ну, словомъ, тѣхъ былъ лѣтъ.

Когда, не торопясь, невѣсты «да» иль «нѣтъ»,
И то чрезъ тетушекъ, не лично, отвѣчаютъ;
Когда пріятели, встрѣчаясь, начинаютъ,
Любя васъ: «полно, братъ, какой же ты старикъ?
Ты, просто, молодецъ, вотъ только что парикъ»...
Профессоръ въ шесть часовъ вставалъ поутру, рано,
И по саду гулялъ, иль заставлялъ Баяна
Поноску подавать; Баянъ всегда былъ радъ,
Когда, швырнувъ платокъ, подать ему велятъ.
Разъ гостя въ дѣтскую мы съ дядей приводили;
Обозрѣвая видъ въ трубу, они хвалили,
Сказали:—«просто Римъ съ Кампаньей, ширина...
И точно пинусъ тамъ, надъ нивою сосна»...
Мы каждое словцо профессора ловили,
Какъ кушаетъ онъ, пьетъ, зачѣмъ-то наровили
Замѣтить,—такъ онъ насъ, я помню, занималъ.
Я даже въ щель за нимъ, зачѣмъ-то, наблюдалъ.
Живетъ онъ мѣсяцъ, два, какъ вдругъ, глядимъ, учитель
Пріѣхалъ нашъ. Кутлай: «вы съ нимъ не повторите-ль
Четыре правила? Грамматику со мной
Пройдете».—А урокъ?.. «Не надо». Мы гурьбой
Всѣ въ дѣтскую втроемъ; забыты наблюденья
Надъ гостемъ. Ваня мнѣ: «четвертое склоненье
Какъ спроситъ? Скоро, знать, экзаменъ-то? Бѣда».
И въ ревъ, да на голосъ. Кутлайша: «господа!..
Ну, Надя—дѣвочка, а мальчикамъ-то стыдно».
Богословъ тоже намъ: «да мнѣ за васъ обидно:
Четыре правила, помилуйте, не знать?
Вѣдь, онъ васъ хочетъ такъ, немножко, испытать».
—Толкуй!.. мы думаемъ, знай всхлипывая разомъ...
—«Нишкните», нянька намъ, а у самой подъ глазомъ

Тожь катится слеза. Никакъ дня черезъ два
Отъ чаю насъ Кутлай въ гостиную ввела;
Глядимъ, а на столѣ лежатъ уже тетради,
Вонъ—Ванина, моя, а вонъ—и почеркъ Нади.
Вошелъ учитель нашъ, взволнованъ тожь, смущенъ.
Глядимъ, отецъ идетъ съ профессоромъ вдвоемъ.
Экзамены, я чай, знакомы всѣмъ отчасти...
Мнѣ-жь насолили такъ, что я ихъ за напасти
Житейскія считать недавно пересталъ.
Я ихъ, должно-быть, разъ десятка два держалъ.
Не знаю, искренно, или же притворялся
Профессоръ, но весьма, мнѣ помнится, остался
Доволенъ нашими отвѣтами, хвалилъ.
А за одно его я, просто, полюбилъ;
Окончивъ въ полчаса въ наукахъ испытанье,
Онъ всталъ, отца къ окну отвелъ: «образованье,
Конечно», говоритъ,—«вещь важная, но имъ
Какой же пансіонъ еще? Мы всѣ спѣшимъ
Дѣтей учить; намъ льститъ, что мальчикъ-малолѣтокъ
Реторику прошелъ, и этимъ губимъ дѣтокъ.
Какъ мясо вдругъ давать замѣсто молока?
Почтенный другъ, пока, учите ихъ слегка,
Въ деревнѣ. Пансіонъ испортитъ ихъ успѣетъ...
И что душить амбрэ, гдѣ жизнью такъ и вѣетъ!»

IV.

Какъ ни стараюсь я разсказъ вести по плану,
Заранѣ съ циркулемъ, съ линейкой, по масштабу,
Начерченному мной,—не тутъ-то было,—сѣлъ,
Задумался—и планъ куда-то улетѣлъ.
Рисуешь,—на поляхъ, конечно,—то избушку,
То иву надъ прудомъ, то Надину игрушку,
Головку дѣвушки крестьянской, черезъ дворъ

Идущей съ ведрами,—да, словомъ, всякій вздоръ,
Что память, какъ чердакъ, зачѣмъ-то сохранила.
Жизнь-скопидомка мнѣ, однакожь, перешила.
Изъ старой ветоши кой-что, и я ношу.
Желающихъ взглянуть, когда-нибудь, прошу;
Вещицы двѣ иль три межъ ними есть такія,
Не купишь въ наши дни за деньги, и большія.
Окромѣ прочности, не будутъ такъ линять,
Какъ новомодныя матерьи. Бабка, мать,
Двѣ тетки, ежеденъ, шушунъ одинъ носили,
Да, вѣрьте, и на мой вѣкъ хватитъ,—перешили.
Я всѣмъ совѣтую иное не кидать.
Кой-что изъ старины нельзя не сберегать:—
Въ хозяйствѣ лоскутокъ, тряпичка пригодится;
Не счастьемъ—бережью у бабы-то спорится.
Съ полей везутъ въ село телѣги сжатый хлѣбъ;
На гумнахъ, въ перебой, снопы молотитъ цѣпъ;
Отмаялся мужикъ, и лѣто-собироха
Прошло; того гляди, на санкахъ, подбироха,
Нагрянетъ зимушка. Мы около стоговъ
Играемъ, прячемся, пугая воробьевъ,
Трескучимъ облачкомъ порхавшихъ надъ амбаромъ;—
Ворами ихъ зовутъ и бить велятъ недаромъ,—
Воруютъ; хоть видалъ, и не однажды, я:
Пропало двѣсти мѣръ,—вали на воробья;
А буде воробей маленекъ, свезть не сможетъ,
Попроситъ подсобить мышонка,—тотъ поможетъ.
Зерно купцамъ въ тотъ годъ, и выгодно, продавъ,
Отецъ мой въ Петербургъ удралъ, не для забавъ—
По дѣлу: тяжба шла лѣтъ сто о милліонахъ
Штатсъ-дамы—бабушки; секретари въ законахъ,
Въ указахъ рылися; повѣренный писалъ
Прошенья длинныя, за что и получалъ
Шесть тысячъ слишкомъ въ годъ; отецъ меблировалъ

Роскошно домъ ему, въ двѣ тысячи карету
Купилъ, а лошадямъ числа и смѣты нѣту.
Овсомъ, пшеницею повѣренный всѣмъ бралъ,
Чтобъ бабкинъ изловить взлетѣвшій капиталъ.
Не то, чтобъ стороны ужь очень были жадны
Къ казнѣ, которой нѣтъ, но каждому досадно,
Обидно было: какъ, наслѣдники не мы?!
У бабки были двѣ, по матери, сестры,
Прасковья Юрьевна... Татьяна и скончалась
У дѣда на рукахъ,—ей часть ея досталась
Отъ Тита Силыча, холостяка; мой дѣдъ
Внучатный былъ ему,—тутъ сестры есть иль нѣтъ,—
Двѣ линіи; одна, къ которой мы, поймите,
Принадлежали, старшая была. Рѣшите:
Титъ Силычъ—въ немъ вся суть—отъ этой старшей шелъ
И насъ прямехонько къ наслѣдству бабки велъ.
Въ палатѣ, помню я, такъ точно и рѣшили;
Тѣ—апелляцію... Но тутъ поразсудили
Они и мы потомъ: «вѣдь милліоновъ нѣтъ,—
Такъ что же тратиться, хоть уступать не слѣдъ?»
А главное и имъ, и намъ порядкомъ Питеръ,
Какъ молвится, бока той тяжбою повытеръ.
Поѣздка же отца была до мировой;
Повѣренный ему писалъ: «вамъ здѣсь зимой
Быть нужно; кой-кого вы лично посѣтите
И двухъ секретарей, хоть малымъ, подарите».
А мы въ Синицынѣ остались съ Надей, жить.
Отцы рѣшили:—«ихъ дороже врознь учить».
Учителей троихъ намъ наняли уѣздныхъ.
Богословъ, на одной женясь изъ нашихъ, мѣстныхъ,
Дѣвицъ духовныхъ, взялъ въ приданое приходъ
И славить пріѣзжалъ на Святкахъ каждый годъ.
Съ весеннихъ раннихъ дней, сестра, твой рѣзвый лепетъ

Во мнѣ будилъ то смѣхъ, то сердца робкій трепетъ.
Твой голосъ ни года, ни жизнь не заглушатъ...
Такъ волны на морѣ въ ночь грозную шумятъ,
Ревутъ и мечутся, а надъ утесомъ дальнымъ
Маякъ горитъ себѣ, за фонаремъ хрустальнымъ,
Смѣясь надъ бурею, надъ вѣтромъ: «ну, задуй,
Попробуй... Знай, горю... А ты, себѣ, бушуй».
Живая, рѣзвая, бывало, расшалится,—
Вдругъ смолкнетъ, на цвѣтокъ, на небо заглядится...
Мѣнялись быстро въ ней и радость, и печаль...
А сердца жаръ манилъ ее куда-то въ даль.
На міръ, на жизнь она—какъ на музей смотрѣла,
И часто: «крылья будь, я-бъ птичкой полетѣла
За радугу-дугу, что надъ рѣкой стоитъ».
Но думка проплыла, и Надя насъ смѣшитъ:
«А что, вспорхни я вдругъ, вѣдь вы бы закричали?
И долго-бъ, рты свои разинувъ, простояли».
Я понялъ лишь теперь, о чемъ мадамъ Кутлай,
Любуясь Надею, порою, невзначай,
Украдкою отъ насъ, тихохонько вздыхала;
А разъ, гляжу, слеза скатилась и упала
Зерномъ жемчужиной на клѣтчатый узоръ,
Канвовый; на него уставивъ влажный взоръ,
Она весь вечеръ тотъ, осенній промолчала.
Я басни вслухъ читалъ, а Надя сочиняла
Проектъ дворца изъ картъ, съ свѣтлицей, теремкомъ;
Ванюша рисовалъ пейзажъ карандашомъ.
Тотъ годъ въ Синицынѣ, гдѣ принимала фея
Девятилѣтняя радушно насъ, владѣя
Самодержавно всѣмъ и всѣми, не смогу
Изобразить... И гдѣ же кисти иль перу
Успѣть накидывать картину за картиной,
Летѣвшія стрѣлой? Такъ вечеромъ, въ гостиной,
Развѣсивъ простыню, мадамъ Кутлай на ней
Показывала намъ звѣрей, людей, тѣней,

Въ волшебномъ фонарѣ, знай, стеклышки мѣняя...
Вѣдь, не Параша я,—та, къ стѣнкѣ подбѣгая,
Бывало ихъ схватить пыталась, а Кутлай
Трунила: «что же ты? Бѣги. Ну, поимай!»
Порою звуки мнѣ доносятся оттолѣ,
То пѣсня зазвенитъ далеко гдѣ-то въ полѣ,
То словно ручейка хрустальная струя
Польется въ бочажокъ, задумчиво звеня;
То, будто навѣстивъ заглохшую дорожку,
Вдругъ вѣтеръ шелеститъ и катитъ понемножку
Отжившій, желтый листъ; то глухо прогремитъ
Литавра,—мѣрный маршъ печально загудитъ;
То звуки съ вышины алмазными огнями
Посыплютъ словно дождь и смолкнутъ подъ перстами.
Да это клавесинъ... Вонъ и она въ потьмахъ;
Улыбка, вдругъ слеза сверкнетъ у ней въ очахъ...
Войдя тихонько въ залъ, разсѣлись мы на стулья,
И нотки, точно рой пчелиный изъ-подъ улья,
Несутся облачкомъ за маткою, жужжатъ...
Очнется: «Дѣти гдѣ-жь?» А дѣти тутъ сидятъ.
А святки... Въ сумерки вбѣжитъ на верхъ Параша:
«Что, ряженыхъ впустить?» И всполошится наша
Хозяйка Наденька: «впустить, зови!»...—«Постой,
Тутъ няня:—коль опять кто бабою-ягой,
Иль вѣдьмой кіевской нарядится, аль лѣшимъ,—
Въ три-шеи протурю... Мы этимъ бѣса тѣшимъ.
Нашли рядиться кѣмъ! Опять вамъ ночь не спать?
Да и Цециліи Ивановнѣ сказать
Сперва». А Надя ей: «мадамъ Кутлай позволитъ».
—«Нѣтъ, безъ нея—ни-ни... Скажу, и какъ изволитъ»,
На это нянюшка; потащится къ Кутлай.
«Позволила, зови!»—Такъ звать? «Да звать, ступай».
Парламентеръ стрѣлой въ застольную, въ припрыжку,
Мы—внизъ. Вотъ барабанъ, и въ залу вводятъ Мишку;
Коза, ворожея-цыганка тожь идутъ.

—«Ну, Миша, поклонись пониже,—поднесутъ
Винца стаканчикъ. Ну, какъ малые ребятки
Горохъ воруютъ? Какъ селомъ, во всѣ лопатки;
Гдѣ сухо—брюхомъ, гдѣ мокренько—обползутъ?
Какъ старыя старухи овесъ съ ячменемъ жнутъ,
Кряхтятъ, господъ бранятъ, да гладятъ попереги?
Какъ батюшкинъ батракъ едва волочитъ ноги—
На молотьбу бредетъ? А ну-ка, Миша, какъ
Съ работушки въ кабакъ бѣжитъ поповъ батракъ?
Да попроворнѣй!... Какъ секретари въ сенатахъ
Поминочки берутъ? Какъ господа въ заплатахъ
Домой отъ нихъ идутъ? Топеря пропляши,
Уважь господъ,—гляди, дадутъ на калачи».
И Мишка, зарычавъ, подъ барабанъ, съ козою
Пойдетъ плясать, въ сердцахъ мотая головою.
Цыганка подойдетъ:—«Давай поворожу!
На ручку положи, всю правдушку скажу.
Таланная моя, какъ выростешь большая,
Красавицу, тебя, ждетъ доля золотая.
Что на головушку, на русую, снѣжокъ,
Нагрянетъ суженый, нежданный, женишокъ;
За свадебку тотчасъ честнымъ пиркомъ-горою—
И волюшка прости, съ трубчатою косою».
Отецъ изъ Питера вернулся наконецъ-
Какой-то секретарь запуталъ нашъ процессъ.
Чудакъ передавалъ съ годъ сторонѣ противной:
Кто бралъ и сколько съ насъ,—былъ человѣкъ наивный,
Вотъ этимъ дѣло онъ опять затормозилъ,
А то бы милліонъ, который былъ—да сплылъ,
Давно лежалъ у насъ на гербовой бумагѣ.
Отецъ разсказывалъ, какъ былъ разъ на куртагѣ,
На балѣ во дворцѣ, и какъ министръ, сосѣдъ
По двумъ имѣніямъ,—хоть хвастаться не слѣдъ,—
Узналъ его, спрссилъ, когда домой онъ ѣдетъ?

Сказалъ, что, можетъ-быть, въ Васильево заѣдетъ.
Потомъ, въ театрѣ разъ, пріѣзжій говорилъ,
Въ кунсткамерѣ, дворцахъ и въ эрмитажѣ былъ;
Что Петербургъ совсѣмъ узнать нельзя,—Пальміра!
Годъ отъ году растетъ, восьмое чудо міра!
Хорошъ; но за одно бранилъ его отецъ:
Шкатулка тамъ всегда пустѣетъ подъ конецъ.
Обѣдалъ у belle soeur, въ Москвѣ, у генеральши.
Тутъ дядя:—«Отъ нея не худо-бъ намъ подальше...
Чай, въ долгъ просила?»—«Нѣтъ, а принялась тачать,
Какъ намъ не грѣхъ дѣтей въ глуши, въ селѣ, держать?
И если хочешь, я сосласенъ съ ней. Для свѣта,
Хоть бы Nadine, скорѣй навыкнетъ въ эти лѣта, —
Въ столицѣ образцы живые передъ ней»...
Тутъ дядю взорвало:—«Какъ надувать мужей,
Кокетничать, мотать, закладывать имѣнья
Въ совѣтъ, да продавать; а послѣ, безъ зазрѣнья,
Безъ совѣсти, при всѣхъ, знай, хныкать да ханжить:
На эту пенсію нельзя мнѣ, шефшѣ, жить;
Не такъ поставлена»... И дядя расходился.
Отцу: «А ты, братъ, тамъ, я вижу, заразился...
Смотри ты: образцы, столица, высшій свѣтъ...
По-мнѣ все это—чушь, и будь они иль нѣтъ».
Отецъ: «C'est etonnant», на это по-французски.
Насъ выслали, но мнѣ послышалось, по-русски—
Belle soeur столичную beau frere, дикарь, стегнулъ.
—«Послушай, дѣти здѣсь», отецъ ему шепнулъ.
А онъ, вскочивъ: «Такъ что-жь? Я этой, братъ, зазразы
Нимало не боюсь. Вотъ отъ французской фразы,
Что въ водевиляхъ вамъ со сцены говорятъ
Парижскіе шуты, смертельный каплетъ ядъ;
Вотъ въ свѣтской болтовнѣ, что на ухо, въ кадрили,
Дѣвицѣ шепчетъ фатъ во фракѣ, иль въ мундирѣ,

Побольше грязи, чѣмъ въ мужичьемъ языкѣ;
Вотъ эта копоть льнетъ къ дѣвической душѣ».
Отецъ молчокъ, сидитъ, а дядя знай храбрится.
—«Я ей велѣлъ бы жить немножко поучиться.
На старости, она поспятила съ ума:
Оброкъ деретъ тройной съ крестьянъ, сама одна;
Монахинь полонъ домъ, по пятницамъ, безъ масла,
Лампадка какъ бы гдѣ въ кіотѣ не погасла;
А люди—впроголодь, въ заплаткахъ, безъ сапогъ...
Я, признаюсь, всегда ее терпѣть не могъ«.
—«Да кто же говоритъ? отецъ ему на это,—
Растлѣнно общество, но вѣдь подходятъ лѣта
Такія, что нельзя-жь въ деревнѣ ихъ держать.
Потомъ, мужчины мы. Ну, будь у нихъ хоть мать»...
Я дальше не слыхалъ, что братья толковали,
Но пансіоновъ мы съ сестрой не миновали.
Французскій выговоръ взглядъ дяди повернулъ:
—«Кутлай акцентъ—совсѣмъ нѣмецкій», припугнулъ
Его отецъ. Струхнулъ, и сильно бѣдный, дядя.
Онъ нѣмцевъ не терпѣлъ, за то, что ихъ навадя
На Русь, мы будто къ нимъ попали въ батраки...
Такъ странно, въ тѣ года, судили старики.
Отцы поспорили, два дня не говорили...
Я, признаюсь, встрѣчалъ не часто, чтобъ любили
Другъ друга братья такъ, какъ дядя и отецъ...
Нахохлятся, молчатъ, бывало; наконецъ
Одинъ начнетъ: «Никакъ, вѣдь, стало холоднѣе?
Должно-быть градусовъ пятнадцать, не теплѣе?»
Другой на термометръ посмотритъ, и въ отвѣтъ:
—«Да, около того», хоть и десятка нѣтъ.
Когда-жь не ладилось межъ ними примиренье,
Гонецъ летѣлъ тогда въ сосѣднее имѣнье
Къ полковнику.
Я вамъ не буду называть
Его. Что за портретъ, коль надо подписать?

Съ Георгіемъ, герой двѣнадцатаго года,
Въ отставку вышелъ онъ сейчасъ послѣ похода
И жилъ холостякомъ. Крестьяне, весь уѣздъ:
«Петръ Александрычъ намъ, — что говорить, — отецъ.
Сѣмянъ, али лѣску, аль хлѣбца не хватаетъ,—
Придешь къ нему,—бери... Солжешь, такъ обругаетъ».
Ни въ предводители, хоть весь уѣздъ просилъ,
Ни въ судьи онъ не лѣзъ, но родинѣ служилъ,
Какъ дай Богъ всякому, и былъ, безъ балтировки,
Судьей и вожакомъ, не гладя по головкѣ
Того, кто весь въ звѣздахъ, сіятеленъ, богатъ...
Приди пѣшкомъ мужикъ къ нему, аристократъ
Въ колескѣ пріѣзжай на англійскихъ рессорахъ,
Онъ правду на-прямикъ, безъ дальнихъ разговоровъ,
Какъ плотникъ топоромъ отрубитъ, и гляди,
Кому она рожномъ, тотъ лучше не ходи;
Не кто просилъ,—съюлилъ, въ Шевлягино не суйся,
А забредешь лисой, такъ на обухъ не дуйся.
Во всю кампанію онъ батарейнымъ былъ.
И кривду, какъ врага, не бомбами громилъ,
Другимъ—безстрашною, правдивой, честной рѣчью,
И будь тутъ сватъ иль братъ, полковникъ, что картечью,
Завидѣвъ кривизну, прожаривать начнетъ...
На выборахъ дрожатъ, бывало, онъ войдетъ—
Съ медалью и крестомъ на боевомъ мундирѣ;
Дорогу всѣ тотчасъ, хоть онъ иныхъ не шире,
Но поувѣсистѣй должно-быть, иль привыкъ:
«Орудія впередъ», скомандовалъ,—на штыкъ,
Сквозь ядра на пробой, иль подъ огонь ружейный,
Пойдетъ ли ѣздовой, коль струсилъ батарейный?
Отцамъ—не помню какъ—полковникъ былъ сродни;
Но дружба и родство, не такъ какъ въ наши дни,
Разрушить не смогло, той дружбы старой, рѣдкой,

Что наша старина звала, и очень мѣтко,
«Извѣданной»; не той, какъ скатерть со стола,
Пріѣли все кажись,—и дружбушка сплыла;
Нѣтъ, той, какъ хлѣбъ съ водой, какъ въ горѣ да кручинѣ,
Всѣ бросили, а другъ твой легокъ на поминѣ.
Пословица: «любви дай Богъ между людьми;
А меньше чтобъ возни, подалѣ отъ родни».
Въ тотъ разъ, на дупелей онъ самъ, безъ приглашенья,
Пріѣхалъ.—Погостишь?—«Да, такъ до воскресенья».
И братья обнимать одинъ, другой—его.
Усѣлись; начали издалека, съ того,
Съ сего... «Вотъ такъ и такъ, завелъ, шагая дядя:—
За пансіоны братъ стоитъ и будто-бъ Надя
Дичаетъ, портится въ деревнѣ. Старый другъ,
Какъ разсуждаешь ты?» Другъ просвисталъ: «Мальбрукъ
Въ походъ поѣхалъ», всталъ, набилъ своимъ вакштафомъ
Онъ трубку, закурилъ и началъ:—будь я графомъ,
Иль знатнымъ бариномъ, я вамъ бы напрямки:
Дѣвицѣ нуженъ лоскъ»... Тутъ дядя: «Обними!»
Полковникъ обнялъ, сѣлъ; вторично, черезъ зубы,
Мальбрука просвисталъ. Отецъ, надувши губы,
Сидѣлъ. А дядя, — смѣхъ, — ему: «ну, что, братъ, взялъ?»
Полковникъ: «подожди, вѣдь я не досказалъ.
Вотъ видите, друзья, чтобъ овцы были цѣлы
И волки сыты, я совѣтую вамъ смѣло:
Везите, но узнавъ, кто держитъ пансіонъ,
И чтобъ мадамъ Кутлай была при ней».—«Резонъ»,
Отецъ ему, вскочивъ: а дядюшка—къ окошку,
Задумался, глядитъ, бѣдняга, на дорожку,
Что желтой лентою вилась, летѣла вдаль,

И вдругъ, оборотясь къ друзьямъ, сквозь слезы:
«жаль».
Полковникъ: «Знаю, другъ, что тяжко разставаться,
Но прать противъ рожна, вѣдь это—надорваться,
И безъ толку. Она дворянкой рождена.
Что-жь дѣлать, коль у всѣхъ заботушка одна:
Кадрили-бъ знала дочь, умѣла по-французски
Болтать и чтобъ отнюдь не думала по-русски?...
Попробуй, воспитай по старинѣ ее;
И будетъ дѣвушкѣ вытье, а не житье.
Какъ примутся строчить: «Она намъ не товарка;
Что за манеры? Фи! медвѣдица, дикарка».
Сегодня на зубки, да какъ и завтра то-жь,—
Вѣдь, это, братъ, картечь,—да тамъ еще пройдешь,—
А тутъ безъ промаха и даже безъ прицѣла;
Иная такъ, шутя, а въ сердце-то засѣло».
Вы не охотникъ? Нѣтъ?... Какъ раненный медвѣдь,
Поднявшись на дыбы, взреветъ, и мѣть не мѣть
Охотникъ изъ своей, прикладистой, винтовки,—
Знай лѣзетъ Мишка: «Нѣтъ, нельзя безъ потасовки:
Вѣдь, съ двухъ, или съ одной свинчатки умирать
Не все-ль равно? Стрѣлка-жь не худо причесать»...
Такъ дядя, покраснѣвъ: «Чтобъ черти всѣхъ ихъ взяли
И шефшъ, и генеральшъ, Нѣтъ, мало насъ трепали,—
Сплошалъ Наполеонъ! Да кто же я? Лакей
Парижу, что-ль, когда наперекоръ не смѣй
Ни чувствовать, ни жить, ни думать по-отцовски?
Да долго-ль намъ носить нѣмецкіе обноски?
Гдѣ-жь русскій здравый смыслъ, душа гдѣ, голова?
Иль вѣкъ мы будемъ пѣть — кто въ лѣсъ, кто по дрова,
Живя чужимъ умомъ, ублюдкомъ заграничнымъ,
По-своему судить считая неприличнымъ?»

И началъ; съ часъ никакъ, иль долѣе ругалъ
Парижъ; досталось всѣмъ... Я, помню, ликовалъ;
Да какъ не раздѣлять подобнаго воззрѣнья?
И Наденька была вполнѣ того же мнѣнья.
Но дядя былъ герой, къ несчастью, на словахъ:
Заспоритъ, накричитъ—и сядетъ на бобахъ.
Полковникъ...
Да, онъ здѣсь, живой, нашъ другъ безцѣнный,
Нашъ незабвенный другъ; его сюртукъ военный
Я помню—съ кантикомъ; знай куритъ свой вакштафъ
«Саратовскій», — чубукъ, и съ перышкомъ, въ рукахъ...
Въ курчавыхъ волосахъ сѣдинка пробивалась,
Въ манерѣ говорить и въ голосѣ осталась
Привычка старая—командовать, и мнѣ
Онъ такъ и видѣлся у пушекъ, на конѣ.
Не часто, въ сумерки, пріѣхавши съ охоты,
Разсказывать начнетъ былые анекдоты:
Какъ батареей былъ подвалъ съ виномъ открытъ,
Какъ сутки цѣлые манерками лафитъ
Солдаты, что квасокъ родимый, попивали
И, съ дневки уходя, Монбланъ бутылокъ склали;
Какъ къ батареѣ разъ подъѣхалъ государь:
«Здорово, молодцы!... Спасибо... Жарь ихъ, жарь!»
Зардѣлись пальники, взревѣла канонада.
Царь:—«баста!» а они: «нѣтъ, чуточку бы надо».
Разсказчикъ замолчалъ. Мы съ Ваней, знай, стоимъ:
Не дастъ ли намъ еще хоть парочку картинъ;
А Надя, потупясь, крестомъ его играла,—
Какъ можно бить людей, она не понимала.
Совѣтъ окончился, и, какъ ни воевалъ
Спартанецъ-дядя, свѣтъ побѣду одержалъ
Надъ тьмою; мой отецъ, Периклъ, былъ въ восхищеньи
И сутки толковалъ о пользѣ просвѣщенья.

Мы призадумались; гроза надъ головой;
Никто ни слова намъ, но тишь передъ грозой.
Чего-жь еще? Кутлай портфель перебираетъ,
А нянюшка, въ очкахъ, нахохлившись, считаетъ
Чулочки Надины. Дня черезъ два, глядимъ,
Дормезъ везутъ къ крыльцу народомъ. Мы бѣжимъ
Въ переднюю; тамъ Ѳедоръ Тихонычъ бранится
Съ людьми: вишь—«не дадутъ ему сообразиться».
Среди развѣшенныхъ, по стульямъ, паиталонъ,
Мундировъ, сюртуковъ, жилетовъ, фраковъ, онъ,
Нахмурившись, стоялъ. въ умѣ соображая:
Какъ гардеробъ украсть, съ бѣльемъ не разлучая?
Одинъ, было, ему: «Да ты бы въ чемоданъ,
А то вали въ баулъ». А онъ въ отвѣтъ: «Болванъ!»
«Синаша, знаешь что—«Въ сей жизни скоротечной»...
Давай-ка, братъ, въ большой, «пространствомъ безконечный»,
И платье и бѣлье... «Что рощетъ человѣкъ?
Вѣдь ужь не обойтись безъ двухъ или трехъ телѣгъ»...
Синашу передъ тѣмъ онъ подчивалъ селянкой,
А вдохновенья жаръ былъ поддантъ запеканкой.
Ванюша дома былъ, но въ этотъ день отецъ
Привезъ его. Ведутъ шестерку наконецъ.
Полковникъ тожь въ Москву надумалъ вмѣстѣ съ нами.
Коляска, бричка, двѣ телѣги... »Съ лошадями
Бѣда почтовыми... Не задержали-бъ насъ?
Пятнадцать—шутка ли?—отцы смекаютъ въ разъ.
Параша, няня—въ плачь; всѣ бѣгаютъ, шныряютъ,
Лягавыя визжатъ, Баянъ, Діанка лаютъ;
Плетюшки съ жаренымъ таскаютъ, погребцы,
Въ передней—староста, приказчикъ; и отцы
Наказываютъ имъ, чтобъ молотьбу, какъ можно,
Скорѣй окончить, да и съ сушкой осторожно.
Дворецкій Шепиновъ, министръ и казначей,

Ѳедюшѣ счетъ суетъ червонцевъ и рублей:
«Бумажекъ столько-то, гляди; забудетъ баринъ».
Молебенъ отслужѳнъ напутственный. «Присядемъ».
Присѣли; вышли всѣ. «Чего-бъ не позабыть?
Все-ль взято?» — Все, кажись. — «Съ горы подтормозить».
—«Прости, мой ангельчикъ!... Хоть я бы проводила,
Тутъ няня.—Образокъ, что маменька носила,
Не потеряй, смотри».—«Ну, съ Богомъ, въ добрый часъ».
Шестерка тронулась, и няня залилась.
Вотъ, шагомъ подъ гору, какъ зыбка колыхаясь,
Дормезъ спускается, а Надя, выставляясь
Въ окошко, табуну киваетъ головой:
—«Прощайте, милыя! Вонъ Сиротинка мой».
«Сиротка», Наденькинъ любимецъ, жеребенокъ,
Что̀ въ комнату входилъ и корки, какъ мышенокъ,
Таскалъ съ буфета, вдругъ, увидя насъ, заржалъ
И, шейку вытянувъ, далеко провожалъ
Карету карими, смышлеными глазами.
—«А что, вѣдь, онъ дойдетъ? Въ Москву его бы съ нами,
Сквозь слезы Надя; но карета понеслась,
Лишь пыль изъ-подъ колесъ клубами поднялась...
И русскій караванъ, простясь съ роднымъ имѣньемъ,
Летѣлъ по столбовой въ Москву за просвѣщеньемъ.

V.

Такъ пташки изъ гнѣзда родного, оперясь,
Надумаютъ вспорхнуть впервые: «ну-ка, въ разъ».
Взлетѣли; вотъ одна на кустикъ тотчасъ сѣла;
Другая, посмѣлѣй, подальше отлетѣла:
Ей весело; глядитъ, рѣка синѣетъ, лугъ...
А матка, воротясь съ добычи:—«вы не вдругъ».

Птенцамъ не до нея: не слышатъ, знай дивятся.
На нёбушко, на даль, глядятъ—не наглядятся.
Мы-бъ тоже вылетѣть, какъ пташечки, не прочь,
Въ окошки всѣ втроемъ глазѣя день и ночь.
И только сонъ-дрема, какъ няня кисеею,
Завѣситъ, налетѣвъ, дорогу, даль съ рѣкою,
Повалитъ въ уголокъ всѣхъ кучкой, спимъ втроемъ,
Пока не проберетъ подъ утро холодкомъ.
Проснешься: озеро лазурною эмалью
Сверкаетъ; Наденьку завертываетъ шалью
Мадамъ Кутлай; вдали колокола гудятъ;
Отецъ крестится: «знать, къ обѣднямъ ужъ звонятъ».
Поютъ колокольцы ни сутки, ни другіе,
И маковки Москвы зардѣлись золотыя.
Застава. Ямщики:—«намъ надо подвязать
Колокольцы».—А кто изволитъ проѣзжать?
Синаша побѣжалъ куда-то съ подорожной.
«Пошолъ!»—и нашъ ковчегъ поплелся осторожно.
Такъ пробирается помѣщикъ-домосѣдъ
Толпою, что зовутъ «beau monde», иль высшій свѣтъ.
Насъ къ Иверской отцы изъ нумеровъ свозили.
Въ столицѣ, какъ въ чаду, мы, дѣти, помню, были.
У оконъ день деньской стоимъ, да, знай, глядимъ:
Вотъ ѣдетъ генералъ, двѣ дамы, господинъ,
Ногами сѣменя, бѣжитъ по тротуару.
«Калачики», кричитъ мужикъ.—«Пятакъ за пару».
Отцы все ѣздили куда-то—то вдвоемъ,
То порознь; приходилъ Макарычъ съ калачомъ;
Полковникъ все курилъ, свистѣлъ, читалъ газеты;
У горнишной Кутлай украли, у Анеты,
Платокъ и башмаки. Ѳедюша ей: «сама
Ты виновата».—Какъ?—«Да такъ же: здѣсь—Москва».
Ванюша плакалъ все: бѣднягу отправляли
Съ знакомымъ въ Петербургъ; мы тоже горевали;
Хоть ссорился я съ нимъ, порой, но какъ тутъ быть?

Не намъ однимъ, вдвоемъ подчасъ тѣсненько жить,
А порознь скучно.
Насъ возили съ Надей къ шефшѣ.
—«А съ нею толковать, братъ, надобно поѣвши».
Замѣтилъ, помнится, мой дядюшка отцу,
Когда мы, воротясь, подъѣхали къ крыльцу.
Вдова жила въ глуши; свой домъ на Якиманкѣ
Имѣла каменный. Какъ слѣдуетъ дворянкѣ,
Въ передней стариковъ-лакеевъ цѣлый полкъ.
Вошли... Одинъ дремалъ, другой вязалъ чулокъ.
—«Иди, что-ль, доложи. — «Пущай Игнатьичъ сходитъ.—
—«Нашелъ докладчика: и глухъ, и еле бродитъ...»
Въ чепцѣ хозяйка, домъ, ни дать, ни взять, въ углу
Паукъ обжившійся; благословляя тьму
Укромную, вдали отъ наглецовъ-окошекъ,
Знай копитъ тенето, коль не на мухъ, на мошекъ.
За старой копотью и пылью не видать
Сѣтей и паука,—да и кому снимать?
Все ветхо; есть слѣды, что прежде тутъ живали,
Быть можетъ вечера и рауты давали.
Но нонче, кромѣ двухъ дѣвицъ созрѣлыхъ, слугъ,—
Въ старинномъ тенетѣ запутавшихся мухъ,—
Трехъ инокинь, кота, въ тенета къ генеральшѣ
Никто не попадалъ давно... Пойдемте дальше.
—«Пожалуйте». Идемъ... Старинный, мрачный домъ...
Я вкратцѣ опишу вамъ родственный пріемъ.
Мы къ ручкѣ подошли; она поцѣловала
Меня, потомъ сестру и на отцовъ напала:
Что имъ impardonable belle soeur совсѣмъ забыть
И старостъ не пороть въ ея имѣньи; жить
Ей нечѣмъ; мужики не платятъ недоимки...
Тутъ дядя: «вамъ самимъ пріѣхать бы въ Новинки;—
Въ хозяйствѣ нуженъ свой, не посторонній глазъ»...
Но шефша занялась разсматриваньемъ насъ.

Мы передъ ней съ сестрой, какъ рекруты, стояли,
Мечтая: «дай-то Богъ, кабы забраковали».
Описывать чепецъ, два локона, капотъ
И прочее—зачѣмъ? Все это ужъ гніетъ
Въ Донскомъ, подъ мрамором, лѣтъ тридцать, коль не болѣ.
Довольно... Я, вѣдь, васъ завезъ къ ней по неволѣ.
По пансіонамъ насъ, деньковъ чрезъ шесть, иль пять,
Обоихъ развели... Но нужно-ль вызывать
Мадамъ, учителей и гувернеровъ тѣни?
Мы имъ ужь и тогда порядкомъ надоѣли.
Село, родимый домъ, поля, луга, лѣса,
Какъ плакалъ я о васъ!... Взгляну на небеса,
На тучку, вѣтеркомъ несомую куда-то,
И вспомню садъ и домъ, и думаю: «когда-то
Опять въ Синицыно?» А тутъ въ загорбокъ—стукъ,
И Боже сохрани зсплакать,—проберутъ.
Денекъ я потерпѣлъ, на шалуновъ косился,
А на другой въ князька какого-то вцѣпился,—
Насилу розняли; князекъ не ожидалъ,
Чтобъ могъ такъ ловко вздуть его провинціалъ.
А Надя ужилась. Хозяйка чуть не въ дочки
Взяла ее,—сестра родилася въ сорочкѣ.
Мадамъ Кутлай къ себѣ меня разъ привезла.
(Хозяйка комнатку ей въ флигелькѣ дала).
Ходили въ пансіонъ; дѣвицы танцовали...
«Она сейчасъ придетъ». За Надей побѣжали.
Пришла... Гляжу—все та-жь: улыбка и тотчасъ
Нахмурится, молчитъ... Окончился танцклассъ.
Дѣвицы табункомъ туда-сюда ходили;
Двѣ, три, исподтишка, замѣтилъ. я слѣдили
За мной. Мадамъ Кутлай поближе подошла...
Какъ будто нехотя, и дѣвушекъ гурьба
Поближе двигалась, косясь на насъ пытливо.

Такъ взводкомъ кулички гуляютъ у залива,
Вдругъ щука подъ кустомъ булькъ-булькъ—и пропадетъ.
И, шейки вытянувъ, вся стайка, что замретъ,
Къ кусту припустится... Но нѣтъ, струхнетъ и снова
Тревожно слушаетъ: «а вдругъ на птицелова,
Иль на охотника наткнешься—и простись
Не съ жизнью, такъ съ крыломъ?» Да, птичка, берегись.

Хозяйка—я забылъ фамилію—финляндка,
Лѣтъ сорока, смугла, ни дать, ни взять—цыганка.
Меня представили. Спросила: сколько лѣтъ?
А я—фамилію... Но что-жь, скрывать не слѣдъ:
Не то, чтобъ не питалъ я уваженья къ дамѣ,
Но, на бѣду, гляжу, а тамъ, въ зеркальной рамѣ,
Двѣ дѣвушки рядкомъ, обнявшися, стоятъ,
И черные глаза изъ-подъ рѣсницъ глядятъ
На насъ прямехонько. Какъ тутъ не растеряться?
Я и вопроса-то не разобралъ, признаться.
На счастье, дама въ залъ пріѣзжая вошла
И въ сторону, къ окну, хозяйку отвела.
И тутъ, и здѣсь сестра, волшебница, успѣла
Околдовать; одна подруга подлетѣла,
Когда мадамъ ушла; другая цѣловать
Мадамъ Кутлай, ее... Ну, вотъ ни дать, ни взять
Въ Васильевѣ друзья-ребята у коляски...
Отъ всѣхъ улыбки ей, объятья, шутки, ласки,
Какъ ландыши, вѣнки, грибы и васильки,
Или какъ въ спину мнѣ отъ сверстниковъ толчки.
Она—не такъ, какъ я—не сразу отвѣчала:
По-царски, слово, два—и, смотришь, замолчала.

Ванюша, между тѣмъ, въ Пальмиру привезенъ;
Въ конторѣ графской былъ на время помѣщенъ:
Въ каморкѣ, на ларѣ засаленномъ, за печью,—

Коль надо говорить возвышенною рѣчью,—
О красотѣ мечталъ, а по-просту—скучалъ
И къ рисованью страсть чуть къ чорту не послалъ.
Кто жь? Не она ль его семьи родной лишила
И въ сумракѣ ночномъ куда-то въ даль манила?
Неясныхъ образовъ, дѣтей иной страны,
Нагонитъ, хитрая, навѣетъ грезы, сны...
Что жъ это—станція у писаря за печкой?
Не замани она, лежалъ бы онъ надъ рѣчкой,
На небушко свое, на синее, глядѣлъ,
Иль съ Надей на коврѣ, иль съ бабушкой сидѣлъ.
И мальчикъ бюстъ рукой, мечтой свой край рисуетъ:
Такъ ангелъ,—весь любовь,—о чистотѣ тоскуетъ,
О свѣтѣ меркнущемъ въ хранимой имъ душѣ,—
Такъ онъ загоревалъ о чудномъ, миломъ снѣ.
И стало жаль ему, художнику, видѣній...
Въ немъ вновь заговорилъ безсмертный, бодрый геній,—
Та сила, что впередъ безъ устали несетъ,—
Тотъ голосъ, что къ труду и день, и ночь зоветъ:
«Нѣтъ, крѣпко вѣрь! Терпи; твой сонъ волшебный въ руку;
Жизнь—праздникъ съ вѣрой въ мощь искусства и науку.
Отъ нихъ не жди дворцовъ и каменныхъ палатъ,
За то другимъ тебя онѣ озолотятъ.
Богачъ-милліонеръ тѣхъ радостей не знаетъ,—
Вѣдь, муза во дворцы едва ли залетаетъ,—
Не залучишь. Она паритъ по чердакамъ,
Поближе къ небу, знать, родному, къ облакамъ».
Я даже такъ видалъ: отдѣлалъ мастерскую
Художникъ; сѣлъ, сидитъ, ждетъ гостью дорогую.
Сидитъ онъ годъ и два, а гостьи слѣдъ простылъ.
«Но у меня талантъ?»—Да, былъ, да видно сплылъ.
Слинялъ. Мужикъ шесть денъ: «пропали рукавицы».

Анъ хвать—за кушакомъ... Онъ бабу за косицы
Давай избой таскать: чего она глядитъ?
Самъ оплошалъ, такъ нѣтъ—на бабу, знай, валитъ.
Восхода разума и сердца откровеній,—
Росы свѣжительной, поилицы растеній
И злаковъ пажитей и озимей родныхъ,—
Ты утро раннее, въ твоихъ лучахъ златыхъ,
Въ твоемъ таинственномъ, чарующемъ туманѣ
И небо, и земля слились въ одно заранѣ!
Тѣхъ дивныхъ образовъ, тѣхъ радужныхъ цвѣтовъ
Ни кисть не передастъ, ни слово; что оковъ
Они, летучіе, не терпятъ очертаній;
Истканные изъ сновъ, надеждъ, знаменованій,
Они, какъ міръ міровъ, высоко надъ землей,
Законъ путей хранятъ подъ звѣздной пеленой.
Разсыпались. Одна училась въ пансіонѣ,
Росла царевною, счастливицей на тронѣ,
Любовью подданныхъ воздвигнутомъ для ней.
И дядя, позабывъ медвѣдей, дупелей,
Сначала на зиму въ Москву переселялся,
Потомъ отъ гаршнеповъ осеннихъ отказался.
Другому черезъ годъ пріѣлся пансіонъ
И онъ въ гимназію въ свой градъ переведенъ.
А третьяго пять лѣтъ Господь хранилъ въ конторѣ:
Конторщикъ, овдовѣвъ, бездѣтный, радость, горе
Съ художникомъ дѣлилъ: «живи,—на кой тѣ шутъ
Фатера? Проживешь, покуда что, и тутъ».
Въ гимназіи всему, какъ слѣдуетъ, учили...
Но памятнѣй всего мнѣ слово «распустили».
Недѣли съ трепетомъ: возьмутъ, аль не возьмутъ?—
Гадаешь... «Слухи есть, что лошадей пришлютъ»,
Васильичъ, «костромской и галицкій» пехая
Табакъ въ свой длинный носъ. Елена Менелая
Не ожидала такъ, какъ ждали, помню, мы
Ивана кучера. Художницы зимы

Узоры чудные на стеклахъ изучая,
Стоишь, бывало, дни у оконъ, ожидая:
Вотъ грянутъ бубенцы, ворота заскрипятъ,
Отворятся, и вдругъ гнѣдая тройка въ рядъ,
А то гуськомъ, войдетъ шажкомъ въ ворота чинно;
Васильичъ вытащитъ откуда-то овчинный
Дубленый свой тулупъ... И сани, не возокъ...
«Вотъ счастье!»—я возка терпѣть тогда не могъ.
Учитель, туторъ нашъ: — такъ что же? Поѣзжайте.
— «Когда-жь». — Да поутру. Но не позабывайте
Уроки.—«Толковать нашелъ о чемъ», гамимъ
И въ стойла съ лошадьми здороваться бѣжимъ.
«Красавчикъ», гусевой, бывало, обернется
И фыркнетъ мнѣ въ лицо... Заржетъ, какъ есть, смѣется.

Сіяетъ солнышко, гудитъ къ обѣднямъ звонъ;
Морозно; дымъ стоитъ надъ городомъ столбомъ...
А розовой зарѣ, знать, не любо прощаться
Съ землей и небушкомъ; но стали позлащаться,
Сквозь утренній туманъ, кресты, верхи церквей,—
Не долго зорькѣ жить; вотъ солнышко свѣтлѣй
Ударило,—блѣднѣть на небѣ стала зорька;
Исчезла...

На рѣку, на Волгу, съ громомъ, тройка
Слетѣла на просторъ, и городокъ—прощай,
Взмахнули гривами, взвились—и поминай,
Какъ звали насъ... Летимъ... Ухабъ. Прыгнули сани.
Отлично... Хохотъ, смѣхъ, и снѣгъ въ лицо клубами...
То елка мимо насъ, то берегъ пролетитъ,
Съ нагнутой мачтою расшива, дощаникъ,
Что ждутъ весны, рѣки широкаго раздолья;
Дождутся, побѣгутъ гурьбою на низовье,
Въ путину за зерномъ, за чистымъ барышомъ,
За золотомъ купцу, бурлаку за грошомъ,

За лямкой, за трудомъ, за бѣшеной гульбою
Въ царевомъ кабакѣ, да за карманъ съ дырою.
А, Левашово... Стой! Отсюдова гуськомъ,
И тройку покормить не худо овсецомъ.
«Красавчикъ» въ мылѣ весь, а нѣтъ, вѣдь, не стоится,
Копытомъ мечетъ снѣгъ, на кучера косится
Зрачками черными: «вотъ, есть чего стоять!»
Васильичъ побѣжалъ въ кабакъ насъ поздравлять.
Мы вылѣзли, идемъ въ свѣтелочку къ солдату;
Онъ торговалъ: овса, аль деготку, лопату,
Метлу, баранокъ фунтъ—крестьянскій людъ купить
Могъ въ лавкѣ у него и водочки добыть.
Васильичъ же любилъ солдата за вниманье
И любознательность. Цѣня образованье,
Старикъ заглавья книгъ учебныхъ заучилъ
И, подгулявши, пыль въ глаза пустить любилъ.
За столъ насъ усадивъ и наливая чаю,
Солдата позоветъ: «присядь-ка, братъ, вотъ съ краю».
Начнетъ издалека о множествѣ наукъ,
А не учить нельзя,—понадобятся вдругъ.
— «Да вотъ тебѣ пустякъ — по физикѣ займешься,
Прочтешь страничку, двѣ,—ну, просто, разовьешься.
Или опять теперь латинскій лексиконъ:
Ты вѣришь, словъ однихъ клади за милліонъ.
А то еще, вотъ, есть въ грамматикѣ спряженья,
Такъ, я тебѣ скажу, ума, братъ, помраченье».
— Поди-жь,—ему солдатъ.—И надо все учить?
— «Не то что, а вполнѣ, пойми, произойтить.
Безъ этого теперь ни ходу, братъ, ни броду...
Да, вотъ, ты барометръ видалъ ли? Знать погоду
Ты можешь».—Какъ же такъ?—«Вотъ то-то, братъ,
и есть:
Вамъ, дуракамъ, одна, а намъ другая честь»...
— Готовы лошади... Но лекторъ расходился;
Солдатъ ужь одурѣлъ, Васильичъ кипятился:

Простилась съ Римомъ, съ годъ, иль два тому назадъ.
Одѣлась; кажется... Параша выбѣгаетъ...
Я—къ двери... Такъ и есть ужь «вѣрую» читаетъ.
Я замеръ, услыхавъ знакомый голосокъ.
Такъ Патти слушаетъ любитель и знатокъ...
Да гдѣ тутъ Патти? Нѣтъ, простите мнѣ пѣвицы...
Такъ пѣсню, воротясь на Русь изъ-за границы,—
Родную пѣсню такъ, бывало, слушалъ я:
Раздайся за лѣскомъ «привòлжская» моя,—
Душа откликнется, забьется ретивое,
И въ памяти, живьемъ, родимое былое
Отпрыснетъ, примется, что пòбѣгъ молодой
Отъ корня стараго, хранимаго землей.
Вошла... Я обомлѣлъ... Психея—вмѣсто Нади—
Цѣлуется съ отцомъ, ко мнѣ подходитъ, къ дядѣ.
Улыбка, плечи, станъ и легонькій наклонъ
Голонки... Я попалъ, нежданно, въ графскій домъ,
Въ Гробищево. Она... Завѣсьте кисеею...
Дворецкій подведи и назови сестрою
Богиню,—оживетъ холодный мраморъ мнѣ,
Какъ Ванѣ оживалъ, художнику, во снѣ.
Богинь я, признаюсь, боюся и не смѣю
Тревожить попусту... И, вдругъ, кого-жь? Психею
Мнѣ на смѣхъ-ли, на зло-ль напомнила сестра?...
Плутовка подтрунить подчасъ не прочь была.
Одинъ румянецъ нашъ по мрамору зарею
Горѣлъ по-прежнему, и жизнію былою
Мнѣ снова вѣяло, какъ вѣетъ отъ луговъ,
Порой весеннею, порою грезъ, цвѣтовъ.
Такъ хорошѣть, разцвѣсть!... Прошло-ль всего три года?
Но чудеса творитъ, захочетъ, мать природа.
Улыбка—прежняя... Но на челѣ, въ очахъ,
Летучимъ облачкомъ на ясныхъ небесахъ,

Осеннимъ вѣткомъ, повѣявшимъ весною,
Туманомъ утреннимъ надъ тихою рѣкою,—
Нѣтъ, нѣтъ и проплыветъ ни думка, ни печаль,—
Вздохнетъ и взглянетъ такъ, какъ будто ей васъ
жаль.
И взоръ — ни дать, ни взять — у дамы, что съ пор-
трета
Привѣтливо трунитъ надъ дребеденью свѣта.
Отецъ былъ внѣ себя, жалъ ручку, цѣловалъ,
И дядюшка, въ окко уставясь, ликовалъ.
Въ углу каминъ горѣлъ, и пламя трепетало
На миломъ личикѣ; оно и такъ сіяло
Отъ ласки утреннихъ, сверкающихъ лучей,
Отъ свѣта радости, любви въ очахъ друзей,—
Привѣта тихаго давно желанной встрѣчи.
Молчали мы, но всѣмъ понятнѣй слова, рѣчи,
Былъ взглядъ иной, слеза, блеснувшая тайкомъ,—
Росой на ландышѣ, разцвѣтщемъ подъ кустомъ.
Буфетчикъ подалъ чай въ фарфоровомъ сервизѣ,
Французскимъ королемъ (забылъ, какой) маркизѣ,
За что-то присланномъ въ подарокъ, какъ сюр-
призъ;
Отъ шефа-дядюшки достался намъ сервизъ.
Въ большія торжества онъ только подавался,
Иль гостю важному... Я помню, любовался
Амуровъ взводками, пастушкой съ пастушкомъ,
На ручкѣ чайника сидѣвшими рядкомъ;
Венерою, двумя везомой голубями,
И Феба торжествомъ въ корзинкѣ съ кренделями.
Я присосѣдился къ ней, къ гостьѣ, на софѣ,
Взялъ чашку; купидонъ на блюдечкѣ, на днѣ,
Подъ самымъ носомъ плылъ, но я не купидономъ
И не пастушкою, напудренной съ роброномъ,
Залюбовался такъ, что чай свой позабылъ
И, какъ амуры птицъ, улыбку, взглядъ ловилъ,

Пытаясь разгадать, что сталось съ ней такое:
То взрослая она, то дѣтское, былое,
Въ движеньи, смѣхѣ вдругъ проглянетъ, прозвенитъ,
Минута—и опять совсѣмъ большой глядитъ.
Въ суконномъ платьицѣ (мы ѣхали въ дорогу),
Она—живой бутонъ, начавшій понемногу
Покровы дѣтскіе, зеленые, снимать
И розою на свѣтъ, на Божій, вылѣзать...
Отецъ на выборы, въ то утро, собирался,—
Какой-то тамъ вопросъ дворянствомъ разрѣшался;
Меня въ Синицыно на Святки отпускалъ.
Какъ, помню, я дворянъ «вопросъ» благословлялъ!
Но къ дѣлу. Кончивъ чай, въ дорогу всѣ пустились.
Мы съ Надей въ пошевни у дядюшки просились,
Но онъ съ мадамъ Кутлай въ возокъ насъ усадилъ...
Возокъ стучалъ, гремѣлъ въ ухабахъ, оглушилъ.
А тутъ еще Кутлай, знай, стекла подымала,
Какъ Надя отпустить ее ни умоляла,
И рады были мы, радехоньки, когда
Ковчегъ нашъ къ пристани причалилъ у крыльца.
На-встрѣчу нянюшка, что курица къ цыпленку,
Съ плечъ старыхъ обронивъ истертую шубенку,
Летитъ и, со-слѣпа, Кутлайшу обняла...
Но, къ Наденькѣ припавъ, старушка замерла
И долго на груди, у сердца, продержала...
Входя въ переднюю, ей дядя: «что, узнала?»
— Мнѣ не узнать... ее! Вѣдь, маменькинъ портретъ,
А рано разцвѣла... Не облетѣлъ бы цвѣтъ?..
Домъ ожилъ: дѣвушки и люди суетились,
Дворовые взглянуть на барышню явились;
Фидель, суровый венгръ, и тотъ свой усъ крутилъ
И штуцеръ Цельнера съ улыбкою взводилъ—
Богемскій, въ серебрѣ, что въ Прагѣ купленъ дядей...
Раздѣвшись, домъ глядѣть мы побѣжали съ Надей,—
Сначала въ дѣтскую, по лѣсенкѣ; мала

Казалась комнатка, кроватка, два стола,
Диванчикъ, зеркало и шкафчикъ съ позолотой;
Вотъ кресло, гдѣ Кутлай, по вечерамъ, съ работой
Сидѣла, уложивъ питомицу въ кровать;
Балконъ, куда мы въ дождь любили выбѣгать;
Вотъ дверца на чердакъ—музей, гдѣ засѣдали
Тихонько мы втроемъ и древность изучали.
Въ уборной жолтенькой и въ чайной побывавъ,—
Бутыли гдѣ года съ настоями изъ травъ,
Наливки старыя, вишневки-запеканки
На солнцѣ грѣлися, на окнахъ, на лежанкѣ,—
Уборной, образной, гостиною—прошли,
Библіотекою... Изъ шкафчиковъ, въ пыли,
Уныло, сквозь стекло, глядѣли сочиненья,
Плоды ума, труда, быть-можетъ вдохновенья...
(Черезъ десятокъ лѣтъ, пожалуй, и тебя
Ждетъ та же долюшка, пѣснь длинная моя.)
Портреты: бригадиръ и дамы веселѣе
Глядѣли изъ-за рамъ... Я увѣрять не смѣю...
Но видѣлъ, вспыхнуло красавицы лицо,—
Иль на смѣхъ солнышко ударило въ окно?..
Мы даже, помнится, съ сестрой переглянулись,
Немного струсили, но тутъ же улыбнулись.

VII.

— «И люстры». — Да къ чему? — «Свѣтлѣе, пана
милый!»
— Изволь, изволь, велю...—«Въ уборной и въ гостиной.
И залу освѣтить... позволишь? Я скажу...»
И дядя про себя: «ну, какъ я откажу?»
Домъ старый засіялъ, весь озаренъ огнями.
Горятъ и искрятся, сверкая хрусталями,
Двѣ люстры зальныя, подвѣсками звеня,
Граненными... Сквозь нихъ любилъ, бывало, я

Глядѣть,—сшибалъ не разъ, хоть запрещали строго,—
Такъ Наденька одна, а сквозь подвѣску много.
Съ утра тащилися кибитки и возки,
И даже, снятая съ колесъ на полозки,
Татьяны Юрьевны столѣтняя карета,
Кряхтя и жалуясь: «а мнѣ бы не подъ лѣта,
Невѣдомо зачѣмъ, ухабами нырять
И ржавые винты тревожить да ломать»,—
Подъѣхала гусьюмъ къ крыльцу, остановилась,
И скоро на софѣ въ гостиной появилась
Старушка въ чепчикѣ, какихъ давненько нѣтъ,—
Вотъ развѣ цѣлъ у васъ прабабушкинъ портретъ.
Орлиный носъ, глаза прищурены немного,
Глядитъ пытливо такъ на васъ и даже строго.
«Поди сюда, mon cher», бывало подзоветъ.
Идешь къ ней, а душа такъ въ пятки и уйдетъ.
«Не грѣхъ вамъ звать ее?.. Какой вы, право, дядя!..»
Сквозь слезы я пенялъ... Да хмурилась и Надя.
«Она не насидитъ, уѣдетъ», утѣшалъ
Насъ дядюшка,—онъ самъ ея не ожидалъ.
Хоть съ поля на поле имѣнье дамы было,
Но дядюшку она за что-то не любила...
Не пригласи,—бѣда!.. Попробуй обойтить?
Велитъ на полозкахъ карету заложить,
Чепецъ напялитъ и,—дорога не дорога,—
Къ тому, другому—шасть, и поднялась тревога:
Всѣ перессорятся... Вотъ нравъ, вѣдь, былъ какой!
Не тѣмъ помянута и вѣчный ей покой.
Явился цвѣтничокъ изъ розовыхъ блондинокъ.
«Пять дочекъ, шутка ли, пять паръ однихъ ботинокъ!»
Ворчали матушки невзрачныхъ дочерей.—
«Арава; подростутъ, приданое имъ шей.
То-ль дѣло сыновья». Но я не соглашался
И, помню, цвѣтничкомъ красотокъ любовался.

Полковникъ дядею по матери имъ былъ...
Да, помнится, одну, меньшую, и крестилъ.
Откликнутся-дь онѣ на пѣсню про былое?
А помните, старикъ, да сердце молодое:
«Ну, милыя, сюда». Сплетется хороводъ,
Оркестръ гремитъ, но хоръ пригрянетъ,—гулъ пойдетъ...
Дѣвичьихъ голосовъ звонъ яркій, серебристый,
То радугой-дугой, то молніей огнистой
По тучѣ громовой гармоніи сверкалъ.
Оркестръ, задумавшись, что старецъ, притихалъ,—
А хоръ, подъ небеса умчавшись стайкой вольной,
Надъ тучей замиралъ, разставшись съ пѣсней дольной.
Зачѣмъ васъ понесло, что съ пепелища дымъ,
Видѣнья прошлаго? Иль искру сохранилъ
Подъ пепломъ старый срубъ, до тла перегорѣлый?
Цвѣтокъ цвѣти весной,—подъ осень колосъ зрѣлый,
Предвѣстникъ жатвы, намъ поля озолотитъ...
Плывите-жь мимо, въ даль... Съ червонцемъ старый жидъ,
Точь въ точь какъ съ вами я, видѣнья, разстается...
Посмотритъ: «жаль кидать!»—и снова скряга жмется.
На парѣ рыженькихъ, полковникъ, съ шалашей
Пріѣхалъ къ вечеру, съ пяткомъ тетеревей.
Татьяна Юрьевна притихла, растерялась,—
Старуха, какъ огня, полковника боялась.
«Ефрейторъ отставной... Дымитъ, подыметъ свистъ...»
Ворчала барыня, садясь къ столу за вистъ.
Съ нимъ встрѣтиться у насъ она не ожидала...
«Оретъ на выборахъ», старушка полагала;
Полковникъ шаръ отцу на грѣхъ препоручилъ;
Онъ въ городъ попусту таскаться не любилъ.
«Но что-жь, вы спросите,—рожденье, именины?»
Какое! Ничего... Такъ, выдумки Надины.
Пристала: «пригласи...» Хоть бы подъ Новый годъ...

И дядя, былъ добрякъ, родныхъ, друзей зоветъ.
Въ Васильево послалъ подводы за оркестромъ,
Андреемъ поваромъ, дѣйствительно маэстромъ,
Художникомъ, но былъ одинъ за нимъ грѣшокъ:
Бывало, какъ обѣдъ,—Андрей безъ заднихъ ногъ.
Подъ звуки польскаго, задумчиво живые,—
Гдѣ скрипки стороной, что панны молодыя,
Съ улыбкой заведутъ сердечное словцо,—
Взволнуютъ, да потомъ смѣются вамъ въ лицо;
Гдѣ басъ, какъ толстый панъ, пристукнувъ каблуками,
Въ мазуркѣ вдругъ тряхнетъ, по старинѣ, костями,
Фигуръ за дюжину отколетъ, старый чортъ...
Куда тутъ молодымъ,—панъ за̀ поясъ заткнетъ.
Гдѣ флейта ласточкой, надъ чинною толпою,
Порхнетъ и, поманивъ несбыточной мечтою,
Умчится, улетитъ, оставивъ васъ вдвоемъ
Съ почтенной дамою, что, шествуя рядкомъ,
Толкуетъ про хлѣба, какъ цѣны нынче пали...
И вы съ небесъ—въ овинъ,—не ждали, не гадали.
Хозяинъ, подъ руку съ полковничьей сестрой,
Полковникъ съ Надею, хозяйкой молодой,
Татьяна Юрьевна съ сутягою завзятымъ,
Вдовцомъ никакъ двухъ женъ, скупцомъ, но пребогатымъ.
Исправникъ съ дочерью уѣзднаго судьи,
Увядшей сплетницей, кропавшею стихи;
За властью дѣвушки бѣжали вереницей,
И гостьей утренней, зарею-заряницей,
На личикахъ горѣлъ румянецъ огневой,
Даръ полюшка, весны, даръ жизни молодой.
Помолодѣлъ нашъ домъ, биткомъ набитъ гостями,
Портреты дамъ, дворянъ, разставшись со стѣнами,
И тѣ, любуяся собою въ зеркала,
Летѣли мимо насъ, невѣдомо куда.

«По всѣмъ, и въ дѣтскую, какъ хочешь, непремѣнно»,
Шалунья дядюшкѣ и, помнится, съ почтенной
Татьяны Юрьевны, на лѣсенкѣ, вдовецъ,
Споткнувшись, чуть не сшибъ наслѣдственный чепецъ.
Подъ величавый звонъ смолкавшаго финала,
Попарно наша цѣпь вернулась снова въ зало;
Но здѣсь разсыпалась, нежданно, на куски,
И старики за вистъ, раскланявшись, ушли.
Мы къ дѣвушкамъ. Но вдругъ Параша прибѣжала,
Тихонько на ушко хозяйкѣ пошептала...
Вспорхнула Наденька: «готово все... Идемъ»,
И дѣвушки за ней куда-то всѣ — прыжкомъ.
Залъ пустъ... И юноши плечами пожимали:
«Что-жь это? Мы на вальсъ шалуній приглашали...»
Параша къ музыкѣ, на хоры, вновь летитъ,
Тамъ что-то скрипачамъ, кларнету говоритъ.
Я—въ дѣвичью... Гляжу, тамъ няня съ лоскутками.
Торговкою стоитъ, въ очкахъ, межь сундуками...
Я къ ней, но мнѣ она: «а много будешь знать,
Постарѣешь... Уйди... Вишь, застишь,—не видать...»
«По синю морюшку», запѣли тихо скрипки,—
Пахнуло ландышомъ, березкой, цвѣтомъ липки...
Такъ пахнетъ въ рощицѣ надъ тихою рѣкой,
Гдѣ дѣвушки вѣнки плетутъ въ семикъ, весной,
Березку, лентами увѣшавъ, завиваютъ,
Кумятся и вѣнки по рѣчкѣ вдоль пускаютъ.
Лелѣетъ тѣ вѣнки весенняя волна...
Звончѣе залилась, заплакала струна...
«Вдоль по̀ морю», вдали откликнулись шалуньи.
«По мо̀рю», голосокъ затѣйницы-пѣвуньи
Завелъ... «По морю вдоль», пригрянулъ хороводъ,
И къ окнамъ со двора шарахнулся народъ.
Хмѣлинкой, ленточкой, сквозь дверку боковую,
Тянулись дѣвушки подъ пѣсню хоровую
И, взявшись за руки, что цвѣтики въ вѣнокъ,

Сплелися красныя, подъ пѣсенку, въ кружокъ.
Горѣли личики, пестрѣли сарафаны,
Бѣлѣли рукава, что росыньки туманы
Надъ пестрымъ луговымъ, узорчатымъ, ковромъ,
И русы косыньки за мраморнымъ плечомъ,
Дѣвичьей волюшки примѣты дорогія—
Синѣли ленточки на челахъ, голубыя;
Отъ тѣхъ ли волекъ-лентъ еще ярчѣй игралъ
Румянецъ дѣвичій... Прадѣдній домъ дрожалъ,
Заслышавъ звонкую, ровесницу былую,
Родную пѣсенку... А въ дверку боковую
Глядѣла нянюшка... Старуха замерла,
Когда лебедушкой, подъ пѣсню, поплыла,
Съ платочкомъ въ рученькѣ, зарей зардѣвшись, Надя.
Татьяна Юрьевна—и та, на красныхъ глядя,
Съ усмѣшкой, плечикомъ подергивала въ ладъ.
Полковникъ, дядюшка, исправникъ—съ нами въ рядъ.
Живая лѣтопись фамиліи рѣдѣвшей,
Ходячій памятникъ, столбецъ полуистлѣвшій,
Наталья Дмитревна, заслыша пѣсни звонъ,
Встревожилась: «веди ее скорѣе въ домъ!
Бѣда... Заѣстъ меня... Гдѣ гребень?» Всполошилась;
И въ дѣвичью, глядимъ, со внучкой притащилась.
«Лѣсная бабушка» представься ей въ потьмахъ,
Штатсъ-дама, тальками тиранившая пряхъ.
Промежь наливками, усѣвшись на лежанкѣ,
Былину о скупой «первѣющей дворянкѣ»
Старуха повела: «не голосить, придетъ...
Разбу́дите...» Сама рукой вертитъ, прядетъ.
Параша барышнямъ тихонько сообщила,
И дѣвушекъ толпа старуху окружила.
«Пряду, сударыня, пряду я... «Лёнъ мой, лёнъ,»
Запѣла бѣдная, и давній сердца стонъ
Отбрякнулъ глухо намъ,—что благовѣстъ печальный,
Унылый, тяжкій звонъ къ обѣднѣ отпѣвальной.

Далеко за̀ полночь домъ старый пировалъ,
И сверстникъ, темный садъ, заглядывая въ залъ
Вѣтвями снѣжными, веселью дивовался:
«Съ чего онъ, старый шутъ, не въ мѣру разгулялся?»
Гадали; ряженыхъ Параша привела;
Съ медвѣдемъ «барыню» отдернула коза;
Цыганка дѣвушкамъ на ручкахъ ворожила...
—«Что съ Надей? нянюшкѣ Кутлайша говорила.
—А что?—«Да ты взгляни... Она огнемъ горитъ...»
Старушка сморщилась, въ уборную бѣжитъ...
Но тамъ—не до нея... Параша разбираетъ
Комоды, гардеробъ... А Надя примѣряетъ
У зеркала уборъ затѣйливый, съ перомъ...
Мы кончили кадриль; я только-что поклонъ
Отвѣсилъ,—вдругъ, гляжу, въ портретной настежь
двери.
Дѣвицы ахнули, да такъ и обомлѣли.
Прозрачная, что тѣнь, что облакъ, въ залъ вошла,
Вся въ бѣломъ, женщина и тихо поплыла,
Беззвучно, мимо насъ, головкою кивая
И ласково гостей улыбкой привѣчая.
За нею мальчикъ, пажъ, напудренный, бочкомъ,
Въ мундирѣ, по краямъ расшитомъ серебромъ...
Прошли и скрылися у дяди въ кабинетѣ.
Я свѣчку и бѣгомъ—справляться о портретѣ.
Портрета не было...

VIII.

Домъ опустѣлъ, притихъ,
Что послѣ кутежа проснувшійся старикъ.
Лакеи комнаты лѣниво убирали,
Параша хмурилась... «Что Надя?»—Не вставали.
Я—къ дядѣ; онъ ужь всталъ и вышелъ въ кабинетъ.
Вхожу... Старикъ сидитъ и смотритъ на портретъ,
Сбѣжавшій вечеромъ. Параша утащила

Его въ уборную... Не даромъ изумила
Насъ сходствомъ Наденька; а дядя зарыдалъ
И въ вистѣ не впопадъ разъ десять козырялъ.
Вотъ Надя:—«я, папа, тебя перепугала.
Встревожила».— «А, вздоръ!—ей дядя.— Чѣмъ? Ни
мало».
Поцѣловавши дочь, онъ быстро съ креселъ всталъ...
Мы знали старика насквозь: какъ зашагалъ,
Бывало, на груди сложивъ, широкой, руки,
Не въ духѣ стало-быть, и жди навѣрно скуки.
Весь день нахмурившись проходитъ, промолчитъ...
Вотъ развѣ Наденька за чаемъ разсмѣшитъ.
Но нынче и она, знать, лѣвой ножкой встала
Съ постели,—на меня съ упреками напала:
Зачѣмъ я не писалъ ни разу ей въ Карлсбадъ,
О Ванѣ не узналъ, и гдѣ онъ, что и какъ?
Мадамъ Кутлай вошла,—спасибо, заступилась.
А Надя—непосѣдъ—кататься всполошилась.
Старикъ ее за пульсъ, на градусникъ взглянулъ,
Взялъ чашку со стола и молча прихлебнулъ...
Шалунья: заложить вели ей «Сиротинку»...
Мадамъ Ку́тлай: «Морозъ».—«Mon Dieu», я пелеринку,
Подъ шубку, теплую надѣну...» Обняла
Кутлайшу, дядюшку—и санки у крыльца.
Мы вышли: каряя, вся въ лентахъ, удалая
Лошадка, саночки, красотка молодая
Въ собо́льей шапочкѣ.—«Дай возжи, я сама!..»
Я отдалъ, и рысцой мы ѣдемъ со двора.
Я вижу, какъ теперь, оленьи рукавички,
На шапочкѣ узоръ серебряной петлички;
Румянитъ личико морозецъ, вѣтерокъ;
На шубкѣ бархатной серебрецомъ снѣжокъ.
А солнышко то мѣхъ, то кудри золотило,
То прямо, встрѣчу намъ, лучомъ широкимъ било.
Звенитъ мнѣ дѣвушки веселый, чистый смѣхъ,—
На всемъ лету свались, бывало, санки въ снѣгъ.

—Пора намъ.—«Погоди, вотъ рѣчкой, тутъ ровнѣе».
Лошадка понеслась еще быстрѣй, рѣзвѣе
По синему ледку; огонь изъ-подъ копытъ,
Огнивокъ, искрою, что отъ кремня летитъ.
Проснувшись, берега на-встрѣчу намъ бѣжали,
И радуги въ пыли серебряной играли.
«Пора», я снова ей. Она было назадъ,
По рѣчкѣ.—«Погоди, голубчикъ, милый, братъ...»
Отъ ласки таялъ я; плутовка это знала,
Но въ этотъ разъ она плохонько разсчитала...
—Дай возжи, коли такъ!—«Ну нѣтъ, ужь ни за что».
И саночки шажкомъ поѣхали въ село.
Простите мнѣ... Одну, послѣднюю, картинку,
Какъ Надя, воротясь, ласкаетъ «Сиротинку»:
Лошадка ей кладетъ головку на плечо
И словно шепчется съ хозяйкой на ушко.
Летѣли дни, часы веселой чередою,
Къ сосѣдямъ мы, они въ Синицыно гурьбою;
Рядились; поднятъ весь старинный гардеробъ
Съ роброна бабушки до шелковыхъ чулокъ...
Мундиры шитые, что дѣдамъ годы снились,
Внучатамъ вотъ когда, на святкахъ, пригодились.
Однажды въ сумерки,—у насъ гостилъ цвѣтникъ,
Сидѣли кучкой мы въ потемкахъ; домъ притихъ.
Обычай дѣдовскій, полезный, соблюдая,
Къ Морфею дѣдушка отправился до чая...
Пристали дѣвушки къ мадамъ Кутлай гурьбой:
Сыграй имъ что-нибудь... Задумчиво рукой
Притронувъ клавиши, богемка отвѣчала:
«Разбудимъ,—спитъ папа...» Параша подбѣжала
Къ дверямъ, послушала: «Зѣваетъ баринъ, всталъ».
Кутлай задумалась... Мы сѣли... Залъ молчалъ.
Проснулись клавиши, и пѣсенка простая,
Что эхо дальнее, надъ рѣчкой замирая,
Ласкаясь къ берегамъ, тихонько поплыла...

Вотъ гдѣ-то булькнула подъ кустикомъ вода
И смолкла... Вонъ опять за рощей зазвучала,
Чуть слышно, пѣсенка... Ну, словно погасало,
Любуясь съ небушка незыблемой рѣкой,
За рощей солнышко, а тропкой луговой,
Съ покоса, дѣвушка плетется молодая;
Взгрустнется, что ли, ей, иль такъ, сама не зная
Зачѣмъ, вдругъ пѣсенку красотка заведетъ,
Раскатитъ,—дрогнетъ лѣсъ, отвѣтитъ и замретъ.
Въ тиши прохладою повѣяло ночною,
Сѣдой туманъ, дымокъ поднявшись надъ рѣкою,
Поля, и лугъ, и боръ окуталъ пеленой;
Блеснула звѣздочка на синевѣ ночной...
Все смолкло, замерло... Лишь изрѣдка плескала
Волна о бережокъ и снова засыпала...
Но вотъ, воспрянувъ, вставъ изъ мертвой тишины,
Какъ грёзы мрачныя, больного сердца сны,
Созвучій двинулись нежданно сочетанья;
Таинственны, полны чудесъ, знаменованья.
Предвѣдѣнья... Плывутъ, что тучи въ ясный день,
Покровомъ гробовымъ на лугъ кидая тѣнь...
Растутъ, чудовищемъ по небу расплываясь;
Вдали ударилъ громъ... Дремучій, откликаясь,
Столѣтній зашумѣлъ сосновый темный лѣсъ
И смолкъ... А въ вышинѣ надоблачной небесъ
Сонмъ ангеловъ Творцу пригрянулъ величанье,
Дивяся красотѣ и тайнѣ мірозданья...
И силы темныя, смутившись, прилегли,
Заслыша свѣта пѣснь, какъ змѣй, клубясь въ пыли,
На агнца кроткаго со злобой прорычали
И обезсилѣли... Надъ полемъ засіяли
Лучи горящіе восхода, и роса,
Волнуясь, поплыла съ земли подъ небеса.
Окончила... Мы къ ней... Она поцѣловала
Такъ крѣпко Наденьку и тотчасъ убѣжала.

Мы не дивилися,—не разъ бывало съ ней,
Фермато загудитъ, и слезы, какъ ручей,
Беззвучно побѣгутъ кристальными струями
Межь скучныхъ береговъ съ хололными камнями.
Всѣ притаилися. Я въ уголкѣ сидѣлъ;
Сквозь окна мерзлыя лучъ мѣсяца глядѣлъ,
То въ люстрѣ, въ хрусталяхъ, алмазами играя,
То дѣвичьи слегка головки озаряя...
«Гадать сегодня... Воскъ, свинецъ на свѣчкѣ лить...
Параша, олова! Да печку затопить
Въ уборной». Нянюшка въ очкахъ, съ сковородою,
Усѣлась вѣдьмою; мы—около, гурьбою...
Сверкаетъ олово, течетъ, шипитъ змѣей;
Нежданно встрѣтившись съ холодною водой,
Крутится, мечется, свой жаръ оберегая,
И въ форму странную свернется, остывая.
Такъ думка чудная, пригрезяся въ тиши,
Расплавится, вскипитъ на очагѣ души,
Но холодъ жизненный обдастъ ее водою
И грёза съежилась, какъ ласточка зимою.
—Гирлянда, липка... Звѣрь... Вонъ грива: это—конь.
—«Постойте... На тѣни что выйдетъ»... На ладонь
Поставивъ, нянюшка блестящую загадку
Къ стѣнѣ... «Какъ есть вѣнецъ! рѣшаетъ.—Знать, касатку
Заманитъ въ клѣточку охотникъ молодой,
Простится съ волюшкой и русою косой...»
Зарею дѣвушка, потупясь, загорится;
А няня: «будетъ, знать, касаточкѣ рѣзвиться».
—«Мнѣ, нянюшка, теперь,—ей Надя,—поскорѣй»!
—«Постойте, угольковъ достану пожарчѣй»,
Въ отвѣтъ кудесница, сгребая кочергою
Изъ печки въ грудку жаръ съ трескучей головнею.
«Не близко, барышни... Ну, гдѣ скоровода?
Параша, олово... Клади его сюда».

Расплелся на огнѣ,—расплавился нарядный
Вѣночикъ, побѣжалъ лозою виноградной,
Метнулся змѣйкою серебряной къ краямъ
И синимъ озеркомъ, окутаннымъ въ туманъ,
Недвижной заводью съ нѣмыми берегами,
Притихъ серебряный надъ красными углями.
Всѣ замерли...—Ну, что?—«Постойте... Дайте срокъ.
Лучинку мнѣ... Грѣхомъ, попался уголекъ».
Рукой дрожащею старушка вынимаетъ
Изъ печки олово и въ миску выливаетъ...
Вода отбрызнула; металлъ заклокоталъ
И, свившись чудищемъ, на дно, звеня, упалъ.
Старушка вынула: въ сіяніи святая
Стоитъ межь пальмъ, цвѣтовъ и, руки протягая,
Нагнулась къ дѣвушкѣ, колѣна передъ ней
Склонившей... Подъ горой клубится, вьется змѣй.
— «Заступница! крестясь, намъ нянюшка сквозь слезы,
И райскія древа, Богъ святъ, цвѣтки, березы...»
Мы, группу подхвативъ, всѣ—къ дядѣ, отъ него
Къ мадамъ Кутлай бѣжимъ:—«Вотъ Надѣ вышло что.»

IX.

Промчались праздники... Тотчасъ послѣ Крещенья
У дѣвушекъ, у насъ съ девятаго—ученье...
Разстались... Дѣвушки—не знаю какъ, но мы
Не вдругъ отъ святочной очнулись кутерьмы:
Сидишь за книгою, а думки въ перегонку,
Что гостьи лѣтнія на теплую сторонку,
Летятъ, застигнуты суровою зимой...
И, вмѣсто мудрости, то локонъ золотой,
То очи, небеса надъ южной стороною,
Знай, мечутся живьемъ, на грѣхъ, передъ тобою.
Однажды, отзубривъ изъ логики урокъ,

Разоблачился я, задулъ свѣчу и легъ.
Вылъ вѣтеръ на дворѣ, метель крутила, злилась.
Мнѣ не спалося... Мысль металася, носилась,
Какъ угорѣлая, то въ классы, то домой,
Безбожно путая быль черствую съ мечтой...
Подъ эту чепуху, я задремалъ, забылся
И въ домѣ дѣдовскомъ нежданно очутился.
Залъ освѣщенъ, но пусть, безлюденъ старый домъ,
Все будто вымерло, заснуло крѣпкимъ сномъ.
Иду въ портретную; тамъ—темно, какъ въ подвалѣ...
Вдругъ шелестъ слышится и шорохъ платьевъ въ залѣ.
Я—къ двери... Заглянулъ и обмеръ. Предо мной
Валили прадѣды, прабабушки толпой;
Въ мундирахъ Павловскихъ, временъ Елизаветы,
Мужчины... Дамъ, дѣвицъ—прически; туалеты,
Екатерининъ вѣкъ, распудренный, живьемъ.
Вотъ пажикъ, съ шляпою подъ мышкой, пѣтушкомъ
Подходитъ къ дѣвушкѣ, задумчивой и стройной,
Какъ пальма южная, царица степи знойной;
Вонъ—длинный бригадиръ, согнувшися дугой,
Вертится около вельможи со звѣздой;
Межъ ними двигалась, со шлейфомъ, пожилая
Статсъ-дама, головой презрительно кивая
На реверансы дамъ и дѣвушекъ, мужчинъ
Поклоны низкіе; съ звѣздою господинъ
Шепнулъ ей на ухо,—статсъ-сама погрозилась,
Свернулась облачкомъ и тутъ же испарилась...
Гляжу—межъ люстрами, высоко надъ толпой,
Вся въ бѣломъ, Наденька... Лицо горитъ зарей,
Синѣютъ оченьки, какъ море, голубыя,
И кудри надъ челомъ, хмѣлинки золотыя.
Толпа блѣднѣй, блѣднѣй, какъ въ снѣжный ураганъ
Въ туманѣ; то перо, то вышитый кафтанъ
Мелькнетъ и скроется... Лишь звѣздочкою ясной

Надъ мракомъ, Надя, знай, сіяла, какъ прекрасный
Небесный житель, гость изъ горней стороны,
Куда избранниковъ заводятъ сердца сны,—
Надежды спутники,—молитвы вдохновенья,
Любви предвѣдѣнья и вѣры откровенья.
Залъ потемнѣлъ, толпа исчезла; снизу дымъ
Клубами по стѣнамъ къ карнизу повалилъ:
Изъ смрада черная старуха вылѣзала,
Метнулась къ Наденькѣ и вмѣстѣ съ ней пропала...
Я вскрикнулъ въ ужасѣ... Проснулся, задрожалъ...
На крикъ мой, со свѣчой, Васильичъ прибѣжалъ.
«Господь съ тобой». Метель въ окошко снѣгомъ била
И гдѣ-то, нà голосъ, собака, помню, выла.
Сонъ позабытъ, какъ бредъ... Проходитъ день, другой,
Отецъ сбирается изъ города домой;
Я жду обычнаго: «прилеженъ будь»—совѣта.
Вдругъ въ кабинетъ, съ письмомъ, Синаша:—Эстафета.
—«Откуда?»—изъ Москвы... Отецъ печать сорвалъ,
Прочелъ, затрясся весь и громко зарыдалъ.
Мы кинулись къ нему... Письмо къ ногамъ упало.
Старикъ намъ: «Наденька... Нашъ другъ... Ея... не стало».

Ударъ былъ тяжекъ намъ... Дубовый, старый домъ
И тотъ нахмурился... Какъ мрачно стало въ немъ
Съ отлетомъ «свѣтика», какъ няня называла,
Рыдая, Наденьку... Старушка прибирала
Зачѣмъ-то дѣтскую и по утрамъ мела.
Убравшись, на погостъ задумчиво брела
И тихо плакала, припавъ къ ея могилѣ.
Полковникъ и отецъ у дяди съ мѣсяцъ жили...
Старикъ по цѣлымъ днямъ задумавшись сидѣлъ, —
Онъ на десятокъ лѣтъ постарѣлъ, побѣлѣлъ;

Въ очахъ, въ лицѣ, стоялъ вопросъ неразрѣшимый;
И будь толпа гостей, хозяинъ нелюдимый
Молчитъ, усядется въ сторонкѣ, въ уголокъ...
Ни жалобъ, ни рѣчей, ни плакать онъ не могъ...
Въ глубь сердца молніей какъ горе залетѣло,
Такъ, не остывъ путемъ, на днѣ окаменѣло.
«Оставите дѣтей, не возбраняйте имъ;
Да подойдутъ ко Мнѣ; изъ васъ бо ни одинъ
Не внидетъ въ Царствіе, не будь онъ чистъ, какъ эти,
Для вашей мудрости безсмысленныя, дѣти».
Такъ слово началъ разъ нашъ старецъ-духовникъ.
«Предстать предъ Господа, когда души родникъ
Невозмущенъ и чистъ, цвѣткомъ благоуханнымъ
Изъ праха взятымъ быть къ странамъ обѣтованнымъ—
То доля избранныхъ... И будемъ ли тужить,
Что не успѣла жизнь сихъ, чистыхъ, загрязнить?»
Отъ сердца слово—огнь, не здѣшнихъ молній пламень,
Что прямо въ сердце бьетъ; а человѣкъ—не камень.
Вдругъ слезы хлынули у дяди въ три ручья...
И, будто солнышко изъ тучъ послѣ дождя,
Улыбка кроткая у сердца появилась...
Она ли за него на небѣ помолилась?...
Но старецъ съ той поры покойнѣй сталъ, бодрѣй,
Хоть изрѣдка слеза катилась изъ очей,
Хоть правда, что его улыбка мнѣ, порою,
Напоминала лучъ вечерній надъ рѣкою,
Но горе начало, волною, притихать,
А сердце чудное насъ вновь обогрѣвать.
Я помню,—вотъ не вѣрь,—намъ слышалось порою,
Какъ ангелъ пролеталъ, невидимо, семьею;
Домъ озарялся нашъ прадѣдній, притихалъ,
И воздухомъ весны, на мигъ, благоухалъ.

Художникъ! Мы съ тобой такими-ль были оба,
«Сѣдя», что двѣ жены, безмолвно, — «прямо гроба?»
Ты не предъ нимъ ли, вновь, почуялъ міръ иной—
И образы твои зардѣлись чистотой?
Бокалъ шипучъ подчасъ, на званомъ жизни пирѣ,
Но сердцемъ въ уголокъ завѣтный въ горнемъ мірѣ,
Не залеталъ ли ты, украдкой, съ имянинъ,
Какъ, помнишь, летывалъ изъ школьной въ мезонинъ?

1876.

Больше Бога не будешь.

(Русская пословица).

Подымалася туча съ Дуная,
А на дальней на Темзѣ рѣкѣ
Всполошилась царица морская
Въ своемъ царскомъ, хрустальномъ дворцѣ.

* * *

Встрепенулись орлы съ Черногорья;
Поглядѣла царица въ окно:
Потянуло на низъ къ лукоморью
Соколиное Сербовъ гнѣздо.

* * *

«Оперилися хищныя птицы,
Золотъ ключъ мой, Стамбулъ, унесутъ»,
И изъ синихъ очей у царицы
Градомъ слезы—алмазы бѣгутъ.

* * *

Рветъ и мечетъ царица, мертвѣетъ,
Пѣна у рта вскипѣла у ней;
«Погляжу, посмотрю, кто посмѣетъ
Завладѣть хоть однимъ изъ морей».

* * *

«Это ты, богатырка степная,
Воскормила нагорныхъ орловъ;
Это ты выпускала съ Дуная
По зарѣ молодыхъ соколовъ».

* * *

«Это ты напѣвала, сулила
Воли вольной желанные дни.
День и ночь на ушко имъ твердила:
—Одряхлѣли, не страшны враги.

* * *

Вновь царица въ окно поглядѣла,
Распахнула лилейной рукой,
Обернулася лебедью бѣлой,
Полетѣла на полдень стрѣлой.

* * *

Понеслась надъ морями, землями,
Пріударила правымъ крыломъ,
И спустилась къ водѣ, надъ волнами
Бѣлоснѣжнымъ сверкая перомъ.

* * *

Миновала проливъ, подплывала,
Мимо горъ, что стояли стѣной,
Къ Цареграду; Софія сіяла,
Будто солнце, златою главой.

* * *

У подножія Божьяго храма
Змѣй-Горынычъ трехглавый лежалъ,
И держась за корону Ислама,
Врагъ Господня креста издыхалъ.

* * *

Подплыла, вышла на берегъ птица;
На песочкѣ встряхнулась и вдругъ—
Передъ змѣемъ морская царица:
«По здорову-ль, сердечный мой другъ?»

* * *

Чудо-юдо взглянулъ, завозился,
Чешуей засверкалъ, загремѣлъ,
За помятый вѣнецъ уцѣпился.
—«Помоги, не покинь», захрипѣлъ.

* * *

«Прибодрись, я живою водицею
Спрысну друга, царица тебя,
Врагъ не страшенъ,—хвалилась синица
Зажечь море, да, лихъ, не зажгла».

* * *

И царица вѣнецъ надѣвала
На середнюю змѣю главу;
И живою водой омывала
Раны смертныя, очи ему.

* * *

Врагъ Господень вздохнулъ, приподнялся,
Потянулся на желтомъ пескѣ,
Зашипѣлъ, заревѣлъ, распластался
И поползъ ко Моравѣ рѣкѣ.

* * *

По ущельямъ, горамъ, по ложбинамъ,
По лугамъ, изгибаясь кольцомъ,
По цвѣтущимъ болгарскимъ равнинамъ,
Разметая деревни хвостомъ.

* * *

Помутилися рѣки, озера,
Потонули равнины въ крови,
Запылали и грады, и села,
Божьи церкви горѣли съ людьми.

* * *

Мать сырая земля всколебалась,
Всколыхались, вскипѣли моря;
Красно солнце въ дыму затерялось,
Поблѣднѣла красотка заря.

* * *

Въ златотканной, индійской порфирѣ
У Стамбула царица стоитъ.
Пламя зарева шире, да шире,
Ярче ликъ у царицы горитъ.

* * *

Дружной стаей орлы напускали,
Били змѣя въ середню главу,—
Чешуи къ намъ на Русь залетали,
Въ златоглаву летѣли Москву.

* * *

Съ Темзы дѣти царицу молили:
«Мать, уйми ретивое свое,
Повели, чтобъ враги не зорили
Христіанъ, нашихъ братьевъ, гнѣздо».

* * *

Но царица мольбѣ не внимала,
Оттолкнула родныхъ сыновей,
Золотъ крестъ съ бѣлой шеи срывала
И метнула въ пучину морей.

* * *

Стихло море; гроза собиралась,
Змѣй къ Дунаю изъ горъ выползалъ...
Небо пологомъ въ ширь растворялось—
Солнцемъ крестъ надъ землей засіялъ.

Въ деревнѣ

(Отрывокъ).

Страстная. Благовѣстъ; къ заутренѣ звонятъ.
Иду тропинкою къ оградѣ черезъ садъ.
Морозно; вѣтерокъ, нѣтъ-нѣтъ, да и подуетъ;
На рощѣ за селомъ ужь тетеревъ токуетъ.
Весна, а утренникъ порядкомъ пробиралъ,
Сковавъ ледкомъ потокъ, что робко побѣжалъ,
Пригрѣтый солнышкомъ полуденной порою,
Соскучившись дремать подъ снѣжною корою;
По насту, на грядахъ, гуляютъ три грача,
Прозябли и они, ждутъ теплаго луча.
Въ деревнѣ пѣтухи, тамъ сямъ, заголосили,
На небѣ розовомъ и трубы задымили;
Старушка тащится къ погосту съ подошкомъ,
Ребята сонные бредутъ монастыремъ.
«Чертога» грустный гласъ на встрѣчу плылъ изъ храма,
Несомый на волнахъ, тягучихъ, ѳиміама...
Смиренный образъ Твой къ намъ снова тихо шелъ,
Подъ дальній перезвонъ сосѣднихъ, мирныхъ селъ,
Полями нашими, проселками, тропами;
Любовью встрѣченный, Ты скажешь: «здѣсь Я съ вами.
Но въ села, гдѣ огни погашены любви,
«Не имать внити Гость», зови иль не зови.
Идетъ Онъ не карать, не грознымъ Судіею,

Идетъ, что вешній лучъ надъ снѣжною землею,
Чтобъ кротко озарить, овѣять теплотой,
Забытыя людьми за суетой мірской,
Растенья, что къ Нему въ глуши утреневали
И свѣта, какъ тепла весной березки, ждали.

Думка.

Гой вы думы мои, думушки,
Часты звѣздочки разсыпчаты,
Зазвенѣли-бъ колокольчикомъ
Стали-бъ пѣсенки разливчаты!

Пропадай зима холодная,
Со вьюгàми, со морозами;
Разцвѣтай весна красавица;
Не стращай насъ лѣто грозами.

Пронесетъ Богъ тучу черную
На темный лѣсъ на дубравушку,
Засіяетъ красно̀ солнышко,
Травку высушитъ муравушку.

Мураву траву шелкòвую,
Полевы цвѣты нарядные,
Слезы ангельски, сиротскія,
Вдовьи слезы безотрадныя.

Въ полѣ чистомъ, надъ курганами,
На плакучей на березонькѣ,
Въ пѣснѣ звонкой соловеюшки
Зазвенятъ же ваши слезоньки!

Утренній туманъ.

Что ни свѣтъ, ни зоринька,
Мгла снускалась съ нёбушка;
Крыла землю грѣшную,
Крыла изъ конца въ конецъ.
Говоритъ Мать Божія:
—Это я туманушкомъ,
Мглою непроглядною,
Увиваю землюшку,
Крою изъ конца въ конецъ.
Говорили ангелы:
«Какъ тебѣ, Пречистая,
Вѣчна свѣта Матери,
Мглою облачатися?
Развѣ нѣту солнышка,
Ясна, свѣтла мѣсяца,
Звѣздъ алмазныхъ, радуги,
Неба—ризы Божіей?
Ты бы въ нихъ рядилася;
Ты бы зорькой ясною
Надъ землей явилася».
Говоритъ Пречистая:
—Мглой я облачаюся,
Грѣшниковъ жалѣючи:
Ихъ воюетъ лютый врагъ,
Идутъ вражьи полчища;
Брань на нихъ со всѣхъ сторонъ;
Спѣютъ стрѣлы смертныя,
Видимы, невидимы.
Отъ стрѣлы отъ вражіей,
До поры до времюшка,
Во туманѣ утреннемъ,
Можетъ кто укроется;

Взойдетъ красно солнышко,
Мгла-туманъ поднимется,
Грѣшникъ лютъ покается
Къ Господу воротится.

Первый снѣгъ.

Помнишь зимку, ночку, вьюгу,
Первопутокъ замело,
Ты мнѣ шепчешь: «другъ ко другу
Насъ всегда съ тобой влекло»?
Цѣликомъ неслась лошадка,
Вихорь сбилъ ее съ пути,—
Что меня-жь твоя догадка,
Твой отвѣтъ моей любви.
Какъ молилъ я, помню, Бога,
Чтобъ метель мела сильнѣй
И заглохла-бъ путь-дорога
Отъ жилья и отъ людей.
Врагъ попуталъ,—отыскалась.
Вонъ село, огни... Домой.
Утромъ солнце улыбалось,
Но не мнѣ, не намъ съ тобой.

Въ нѣкоторомъ царствѣ.

Ночь; морозецъ не на шутку;
Городишко крѣпко спалъ,
Ты въ шубейкѣ, на минутку,
Выбѣгала, гдѣ я ждалъ.

* * *

Засвѣтились милой очи,
Точно звѣзды, въ вышинѣ,

На шатрѣ морозной ночи,
Синемъ съ золотомъ шатрѣ.

* * *

Серебрилися березки,
Иней шубку обсыпалъ,
И твои алмазы-слёзки
Мѣсяцъ ясный засвѣчалъ.

* * *

Быль глядѣла небылицей,
Садикъ—сказочной землей;
Ты—душою царь-дѣвицей
Съ королевичемъ Бовой.

* * *

И куда теплѣе, новой,
Шубы темныхъ соболей
Грѣли сердце шопотъ—слово,
Огонекъ твоихъ очей.

* * *

Поцѣлуй,—на зло морозу,—
Кровь младую кипятилъ,
И на вѣки думку-грёзу
Про любовь мнѣ заронилъ.

1877.

Вотъ она кормилица, мать-рѣка раздольная,
Паруса—что лебеди, нехотя, плывутъ...
Юность невозвратная, жизнь моя привольная!
Думы, мои ласточки, по небу снуютъ.

* * *

По небу, по небушку молоньей огнистою,
Мычутся съ серебрянымъ звономъ въ ширь, да въвысь;
То пригрянувъ дождичкомъ, надъ волною быстрою
Внизъ по Волгѣ-матушкѣ, смотришь, понеслись.

* * *

За притонъ царицынскій, гдѣ гулялъ-пошаливалъ
По осеннимъ ноченькамъ атаманъ донской.
На бою натѣшившись, жаловалъ, причаливалъ,
Ночевать ко вдовушкѣ, бабѣ молодой.

* * *

Знала-ль Волга-матушка, знали-ль темны ноченьки,
Вѣдалъ-ли Хвалынщина, вѣтеръ низовой,
Какъ до зорьки-зориньки, не смыкая оченьки,
Сиживалъ со вдовушкой соколъ молодой?

* * *

Гдѣ тѣ рѣчи жаркія, пѣсни задушевныя,
Попѣлуи, проводы съ утренней зарей,
Надъ златымъ колечушкомъ думушки безсмѣнныя:
«Любитъ впрямь, аль тѣшится надо мной вдовой?»

* * *

На полпѣснѣ струнушки моремъ всколыхалися,
Вѣдьмой, зимней вьюгою взвыли, залились...
Ельничкомъ, березничкомъ думушки помчалися,
Неоглядным полюшкомъ, степью понеслись.

* * *

Холодна крещенская ноченька беззвѣздная,
Колокольчикъ плачется, стонетъ и визжитъ....
Не спознать дороженьки, сгибла непроѣздная,
Непогодь,-метелица мечетъ и крутитъ.

* * *

Встрѣнься, выдь красавица съ бровью соболиною,
Вихорь приласкается, шубку распахнетъ,—
И умчится съ посвистомъ прытью соколиною.
Вздумаетъ, надумаетъ, можетъ завернетъ.

Слово.

Слову крылъ не свяжешь
Вслѣдъ не полетишь;—
Серебро,—что скажешь,
Золото, — смолчишь.

Загадка.

Что безъ крылъ летитъ,
Что безъ ногъ бѣжитъ,
Безъ огня горитъ,
Что безъ ранъ болитъ?
А безъ крылъ летитъ
Вѣтеръ полюшкомъ,
А безъ ногъ бѣжитъ
Туча нёбушкомъ,
Безъ огня горитъ
Солнце красное,
А безъ ранъ болитъ
Сердце страстное.

Загадка.

Заря заряница,
Красная дѣвица,
По полю гуляла
Жемчугъ растеряла;
Мѣсяцъ ясный видѣлъ,—
Не тронулся сидень;
Изъ-за лѣсу солнце
Красное вставало,
Полемъ побѣжало,
Жемчугъ подобрало.

Предъ плащаницею.

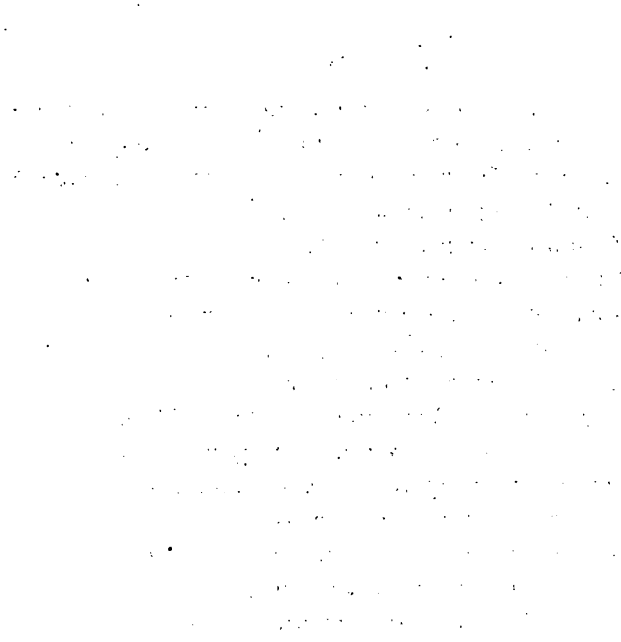
Вѣдь это мы молились злату,
Мы, противъ разума и звѣздъ,
Любовь, представшую Пилату,
Вели съ проклятьями на Крестъ?..
И тайный врагъ Святой Любови
Назадъ намъ сребренники несъ...
Вѣдь это мы, на цѣну крови,
Купить рѣшили поле слезъ?

Премудрость.

(Притчи Соломоновы 22—35).

Господь создалъ меня, — начало
Путей своихъ въ дѣла свои.
И прежде неже землю сотворить,
И прежде нежели содѣлать бездны,
Произойти истокамъ водъ,
И водрузитися горамъ, вершинамъ,—родилъ меня.

Когда готовилъ неба твердь, я съ Нимъ была;
Когда престолъ свой отлучалъ на вѣтрахъ,
Сгущая облака, хранилища воздушныя дождей,
Росъ благодатныхъ, молній,
И морю полагалъ предѣлъ,
Дабы не мимо устъ его шли воды,
Когда основы утверждалъ земли,—
Была при Немъ я, устрояя.
Я та, о ней же радовался Онъ,
Мнѣ веселящейся, передъ лицемъ Его,
На всяко время; я та, кѣмъ утѣшался Онъ,
Вселенную свершивъ и къ бытію призвавъ,
Вѣнецъ своихъ твореній, человѣка.
Не оставляйте же меня, не отметайте.
Пути мои—пути суть жизни.
Кто любитъ жизнь,—ко мнѣ.



1884.

Дѣдъ кудесникъ.

«Дѣтки, нѣтъ ли балалайки?
Дерну стариной:
На погудки, на побайки—
Я, что молодой.»
Брякнулъ дѣдушка струнами,
И пошла писать:
Кто плечами, кто ногами,—
— Нѣтъ, не устоять!
Усмѣхнулся дѣдъ Вавило:
«Прахъ тебя возьми!»
Бабы, бросивъ мотовила,
Гребни, въ три ноги.
«Накось, тетушка!»
«Что ты, бабушка?»
Дѣти—съ печи. Пѣсни-рѣчи
Знай себѣ гудятъ,
Струны тренькаютъ, а плечи
Дѣда говорятъ.
«Тятька, глянька-се въ окошко:
Мама—трепака»...
«Что ты, баба?»—«Я немножко»...
«Плюнь на дурака.»
У Вавилы со лбу мыло,—
Онъ тулупъ долой,
Сбросилъ шапку, да въ присядку

Съ мельникомъ Кузьмой.
«Будетъ, лѣшій, старичина!...
Сдохну, упаду».
А старикъ: «коси малина;
Дѣло на ходу».
У бурмистра пили, ѣли
Съ Питера купцы.
«Что вы, черти, ошалѣли?»
Вышли изъ избы.
Встали, смотрятъ, да хохочутъ:
«Вотъ такъ дураки!»
Струны знай себѣ рокочутъ...
—«Али ужь пройти?
«Эхъ, тряхнемъ!» купецъ столичный,
Фертомъ подбочась...
А пріятель:—«не прилично,
Танецъ не по насъ».
Самъ ногой, рукой прикинетъ,
Каблукомъ слегка...
Развернулся, да какъ двинетъ
Питеръ трепака.
«Вотъ такь дѣдъ! Ай старичина!
Ты откуда, слышь»...?
—«На Руси не сиротина.
Съ вами согрѣшишь»...
«Выпей, старче, на дорогу.
Завтра бы съ утра»...
Дѣдъ за посохъ:—«ну васъ къ Богу...
Балалайка чья?»

Памяти Мицкевича.

Русь, печальныхъ два, три звука
Ты простишь за свѣтлый звонъ;
То души скорбящей мука,
Сердца раненнаго стонъ.

Плачъ скитальца на чужбинѣ
По завѣтномъ, по родномъ,
Вопль забытаго на льдинѣ
Предъ отплывшимъ кораблемъ.

Но за-то, литвинки грёзы,
Надъ ручьемъ въ тиши лѣсной,
Пѣсню-пламя, пѣсню-слёзы,
Спой мнѣ такъ пѣвецъ другой.

Завернетъ ли въ боръ дремучій,—
То зальется соловьемъ,
То, сверкнувъ изъ думы—тучи,
Пѣсня грянетъ словно громъ.

Запоетъ ли быль селенья,—
Ей внимая, что къ роднѣ
Ѣдешь въ мирное имѣнье
На Руси иль на Литвѣ.

Вонъ чернѣютъ кровли дома,
Садъ, овины у пруда,
Рядъ стоговъ и у парома
Тихо плещется вода...

Внемлешь,—сердце заходило,
Въ ладъ колышущей волнѣ,
Что во дни, когда любило
Панну въ дальней сторонѣ.

Ты не даромъ откликался
Другу вѣщій нашъ пѣвецъ;
Ландышъ намъ ему вплетался,
Квятъ литвинки въ твой вѣнецъ.

И, Богъ дастъ, когда воспрянетъ
Къ миру міра вся земля,—
Миръ,—народъ нашъ не помянетъ
Недомолвокъ чѳрна дня.
Въ день великъ, открывъ объятья
Всѣмъ народамъ и странамъ,
Вѣрьте, словомъ: «вы намъ братья»,
Русь отвѣтитъ и врагамъ.

(Изъ письма С. А. Юрьеву).

Близъ рубежа страны, откуда нѣтъ возврата,
Съ вершины старыхъ лѣтъ, я въ прошлое смотрю;
Надъ пройденнымъ путемъ горятъ лучи заката,
Румяня предо мной вечернюю зарю.
Ночь будетъ не длинна, заря съ зарей сойдется;
Вздохнувъ о дорогихъ, я сброшу лишній хламъ,
Забудусь, и душѣ избавленной займется
Заря не здѣшняя, съ весеннимъ утромъ тамъ,
Въ краю, гдѣ нѣтъ ни тучъ свинцовыхъ, ни ненастья,
Ни фарисейской лжи подъ маскою добра,
Ни мыльныхъ пузырей, даровъ земного счастья,
Ни злобы, ни разлукъ у смертнаго одра.
Орошена дождемъ Господней благодати,
Озарена лучомъ святой любви страна,
Благоухаетъ вѣкъ цвѣтами сѣножати
И нивъ съ колосьями нетлѣннаго зерна.
Отъ юности душа туда утреневала,
Какъ птица вольная въ лѣса изъ западни,
Въ семью родныхъ, друзей, отшедшихъ, зазывала,
Мечтою уносясь въ былыя дѣтства дни.

1886.

Гусляръ *).

Петру Ильичу Чайковскому.

Шелъ гусляръ дорогой,
Гусли подъ полою,
Встрѣчу удалому
Людъ честной гурьбою.

* * *

Парни, молодицы
Гусли увидали:
«Заходи въ деревню,
Поиграй,» пристали.

* * *

Сѣлъ гусляръ за гусли,
Пробѣжалъ перстами...
Словно вешній вѣтеръ
Шевельнулъ листами.

* * *

Слышь, щебечутъ птицы,
Ручейки струятся
И съ веселымъ звономъ
Ласточки рѣзвятся.

* * *

Вотъ по небу туча
Тихо наплываетъ,

*) Читано на ужинѣ, послѣ перваго представленія въ Москвѣ оперы: „Черевички".

Надъ дремучимъ лѣсомъ
Молнія сверкаетъ.

* * *

Вотъ зимою вьюга
Взвыла вѣдьмой злою...
Грустно, сердце ноетъ
Будто предъ бѣдою.

* * *

Но проснулись струны,
Солнце засіяло —
И грозы, и вьюги
Словно не бывало.

* * *

Вновь весною вѣетъ,
Муравой травою,
Снова даль синѣетъ
Надъ Днѣпромъ рѣкою.

* * *

Гдѣ ты добылъ гусли,
Струны золотыя?
Гдѣ ты взялъ, подслушалъ
Пѣсни заливныя?

* * *

Русь ли богатырка,
Что тебя родила,
Силушкой и мощью
Сына надѣлила?

* * *

Пой, гусляръ нашъ славный
Радуй многи лѣта,
И прими, съ любовью,
Этотъ звукъ привѣта.

1895.

Русь утѣшься, помолися,
Съ плодотворною слезой;
Тучи сгибли, пронеслися
Надъ родимой стороной.

—

Надъ священною могилой
Солнце красное взошло,
Ополчилось юной силой,—
И надъ Русью разсвѣло.

—

Солнце встрѣчу шло невѣстѣ,
Юной зоринькѣ-зарѣ,
Чтобъ тепло и радость вмѣстѣ
Русской дать родной землѣ.

—

И вѣнчанная Вдовица...
Богъ утѣшилъ и Ее:
Въ Сынѣ, Матушка Царица,
Вѣстно сердце намъ Твое.

—

Отчимъ словомъ, Вѣнценосецъ,
Къ міру мира воззови,
Вѣстникъ горній, дароносецъ
Воли Божьей и любви.

—

О тебѣ Чета младая,
За Тебя, Царица мать,—
Вся отъ края и до края,—
Молитъ Бога Русь святая,
Онъ пошлетъ Вамъ благодать.

Поэту.

Пѣвецъ пророкъ,—его творенья,
Звукъ каждый лиры и трубы
Суть отблескъ неба, Провидѣнья,
Скрижаль завѣтная судьбы.

—

Желанный гость и рѣдкій міра,
Скажи намъ, кто, откуда ты?
Не сотвори себѣ кумира
Изъ горделивыя мечты;

—

Не дай возмнить врагамъ искусства,
Врагамъ поэзіи святой,
Что ты, пророкъ, игрушка чувства,
Служитель риѳмы площадной.

—

Да не рекутъ твои зоилы:
«Послушать любо какъ поётъ;
А прослѣди,—да до могилы,—
Его дѣла, какъ онъ живетъ».

—

«Святой во время пѣснопѣнья,
Но смолкъ кимвала грозный гласъ—
И на пути грѣха, паденья,
Его вы встрѣтите не разъ».

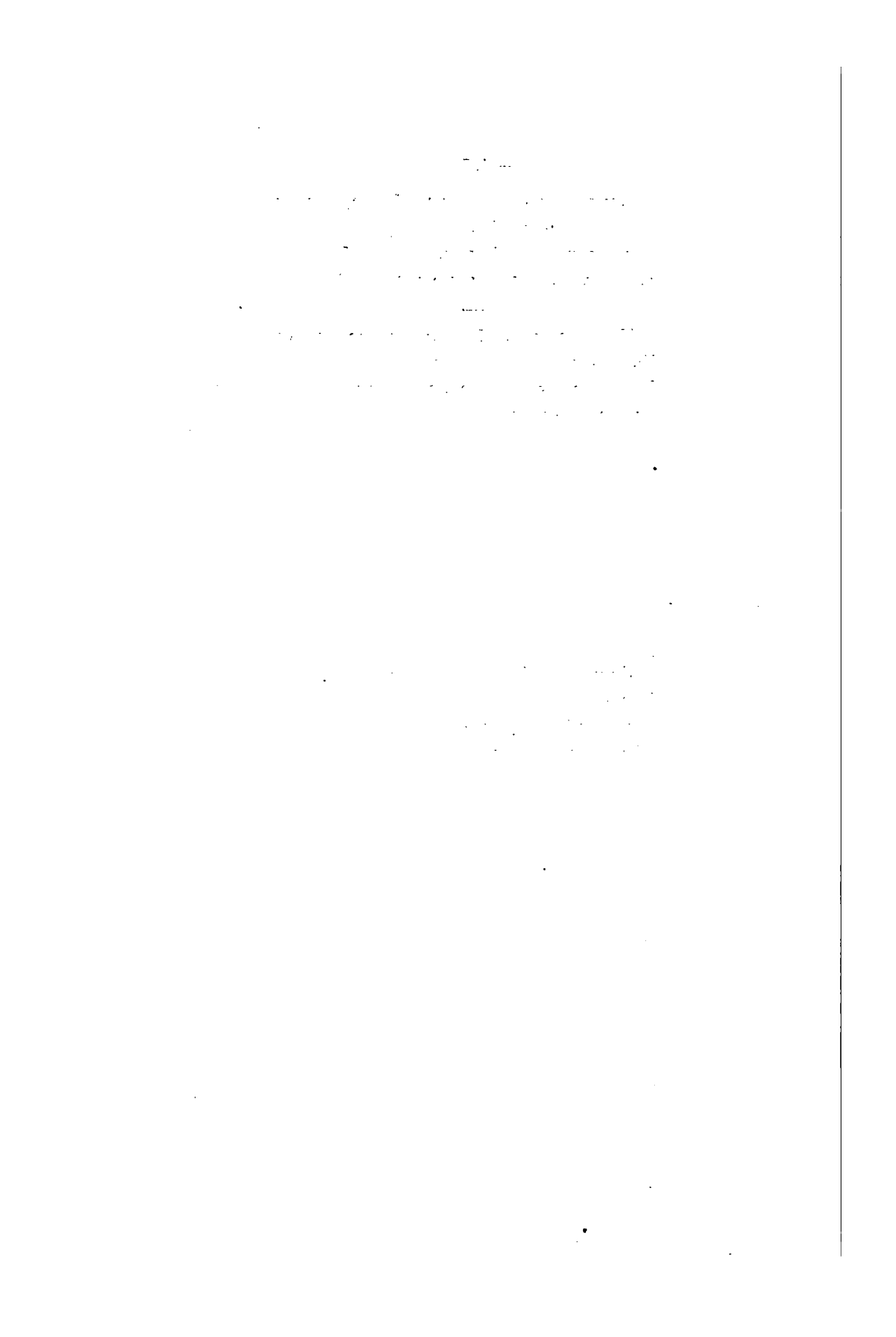
—

Какъ скажешь ты землѣ:—о, братья,
Я честно родинѣ служилъ,
Я несъ вамъ свѣтъ, любовь, объятья,
И силъ для васъ я не щадилъ?

—

Ты лжешь, отвѣтятъ: «искра—слово
Зажгло пожаръ средь мрачныхъ думъ...
Молчи, коль сердце не готово,
Смири коварный, гордый умъ».

Зеркальный прудъ душа поэта,
Все отразитъ она въ тиши;
Но въ вѣтеръ, въ сутолоку свѣта,
Поэтъ внимай, но не пиши.



1896.

Лиллипуты.

(Сказка.)

И науки, и искусства,—
Сколько жару, даже чувства...
Вечеръ былъ у нихъ недавно,
Всталъ оркестрикъ,—презабавно,—
На подносѣ для сервиза.
Поднесли имъ два сюрприза,
И вѣночикъ, для прилики,
Вмѣсто лавровъ изъ брусники.
Все играли по афишѣ,
Какъ большіе,—и не тише.
Изъ народнаго сюжета
Двѣ кантатки для терцета,
Патетикъ въ два барабана;
Для турецкаго султана
Гимникъ крошечный,—стишонки
Очень гладки, даже звонки...
Ну, конечно, мысли мало,
И припѣвецъ:—слава, слава.
Изъ пустѣйшей бабьей сказки
Двѣ трагедійки; развязки
Тоже съ маленькимъ убійствомъ,
Съ комариным кровопійствомъ;
Драмы милы и сценичны...
А языкъ какой отличный...

Въ первомъ дѣйствіи народикъ
Собирается въ походикъ;
Полководецъ на лошадкѣ,
Говоритъ:—у насъ въ упадкѣ
Духъ народный нынѣ, братья...
Старъ и малый, безъ изъятья,
Двинемъ дружно, всей землею.
Всѣ какъ визгнутъ: «за тобою».
Въ барабанчики забили...
Но тутъ занавѣсъ спустили.
Диспутъ былъ потомъ, дебатикъ:
Поларшинный кандидатикъ
Все на свѣтѣ отрицаетъ,
И премило обличаетъ
Суевѣрья, предразсудки...
— Вѣрить? Намъ-то?
Ну ужь, дудки;
Мы не олухи какіе...
Наши выводы другіе...
О душѣ пищатъ, о Богѣ
Разсуждаютъ,—по дорогѣ.
Просто прелесть, заглядѣнье;
Смѣлость рѣчи—удивленье!
Будь у крошекъ ростъ, да сила?..
Но тогда-бъ не то и было.

Къ портретамъ

первыхъ собирателей народныхъ русскихъ пѣсенъ Петра Васильевича Кирѣевскаго и Павла Ивановича Якушкина.

(Посвящается Сергѣю Ивановичу Кирѣевскому.)

Другъ старинный, какъ живыя
Предо мною два лица,
Пѣсни русской, огневыя,
Два радѣльщика - пѣвца.
Тамъ, въ Кирѣевкѣ, за чаемъ,
И съ гитарою, втроемъ
Съ запѣвалой - краснобаемъ,
Дѣло дѣлалось тишкомъ.
Вотъ, сидятъ они и млѣютъ:
— Нѣтъ, слова-то? «А напѣвъ?»...
Дайте срокъ,—тѣ нивы зрѣютъ;
Самъ двѣнадцать снимемъ сѣвъ.
Вѣдь они намъ взворотили
Богатырскій материкъ,
Заколдованный отрыли
Кладъ—старинный нашъ языкъ.
Дайте срокъ, она воспрянетъ,
Пробужденная отъ сна,
И какъ громъ Господень грянетъ,
Силы дѣдовской полна.
Облеченная красою,
Въ сарафанѣ, въ жемчугахъ,
Съ темнорусою косою
И съ улыбкой на устахъ.
Съ зорькой утренней румянца,
Пѣсня - солнышко взойдетъ,
И пройдоху, самозванца,—
Слогъ нашъ чахлый уберетъ.

Дайте срокъ, воды напьется
Сидень Муромецъ Илья,—
Онъ доѣдетъ, доберется
До нахала Соловья.
Приведетъ его живаго
Къ князю, въ Кіевъ, стольный градъ,
И на этотъ святъ день слова
Соберется старъ и младъ.
Величать былое станутъ
Въ память вѣчную отцовъ...
Будетъ трудъ тогда помянутъ
Двухъ, съ Кирѣевки, пѣвцовъ.

На поѣздѣ.

(Посвящается М. И. Ч—вой).

Съ дикимъ посвистомъ жаръ-птица,
Поѣздъ молнія летитъ;
Мимо оконъ вереница
Видовъ, образовъ бѣжитъ.
Это Русь, она родная,
Нивы, церкви, тихій прудъ,—
То рядкомъ, то отбѣгая,
Вѣсти старыя несутъ.
То куда-то зазываютъ,
Солнцемъ даль позолотивъ,
То старинный напѣваютъ
Были сказочной мотивъ.
Надъ рѣкою боръ дремучій
Спитъ ли, смотрится-ль въ водѣ?
Разбудилъ его, летучій,
Змѣй-Горынычъ, — быть бѣдѣ.
Въ непроглядную, сѣдую
Крѣпь твою, дремучій боръ,

Расходясь на-пропалую,
Скоро врѣжется топоръ.
Зашипитъ, что вѣдьма злая
Неотвязная пила;
Годъ, другой—и темь лѣсная
Поминайте, гдѣ была.

Въ русскомъ вкусѣ дачу—диво
Строитъ пазуха-купецъ;
Всей артелью срубятъ живо,
Въ лапу связанный, дворецъ.

Стономъ стонутъ бревна, плахи,
Знай сверкаютъ топоры...
А кумачныя рубахи,
Чай, хоть выжми отъ жары.

Вотъ сквозь солнце, полосою,
Хлынулъ дождикъ на луга,
Семицвѣтною каймою
Стала радуга—дуга.

Жизнью, счастьемъ, ворвалася
Струйка воздуха въ вагонъ,
Полетала,—и взвилася
Мотылькомъ подъ небосклонъ.

Вонъ плетутся богомолки
Къ Чудотворцамъ изъ Орла,
Пробираясь, чрезъ проселки,
До ночлежнаго села.

На ручьѣ, бѣлоголовыхъ,
Кучка маленькихъ ребятъ,
Ловятъ, съ плачемъ, безтолковыхъ,
Заблудившихся утятъ.

Утка мать,—вся ожиданье,—
Поплавкомъ въ водѣ стоитъ
И ребятокъ за вниманье,
Альтруизмъ, благодаритъ.

Планъ Растрелли,—колоннады,
Ниши, статуи боговъ,
Бельведеры, променады...
Ниже избы мужиковъ,
Закоптѣлые овины,
Ку́зьня съ горномъ и станкомъ,
Выгонъ грязный для скотины
И колодецъ съ журавлемъ.
Замокъ ухнулъ,—но для виду,—
Внучекъ графъ, по временамъ,
Ѣздитъ править паннихиду
По распроданнымъ отцамъ.
Мимо, мимо... Полустанокъ;—
Поле мертвое кругомъ,
Ундеръ, вставшій спозаранокъ,
Насъ привѣтствуетъ зѣвкомъ.
—Не задерживай... «Готово».
Тормазъ подняли, свистокъ,—
Цѣпи дернули, и снова
Завертѣлся мой раекъ.
Вправо, влѣво, будто море,
Рожь колышется волной;
Въ выси вольной, на просторѣ,
Ястребъ плаваетъ ладьей.
Надъ землей, гдѣ нѣтъ ни шуму
Ни житейской суеты,
Словно думаетъ онъ думу,—
Приживалка у мечты.
Иль, любуясь на раздолье
Неразгаданной страны,
Вспоминаетъ онъ приволье
Неказистой старины?
Дни, когда, во имя дѣла,
Все ломая впопыхахъ,

Мысль, какъ нынче, не летѣла
Безъ ума на всѣхъ парахъ.
Споровъ не было о Богѣ,
Жилъ-былъ Пушкинъ, русскій стихъ,
И по мысленной дорогѣ
Разумъ ѣздилъ на своихъ.
Иль, задумавшись глубоко,
Око въ вѣчность устремивъ,
Ястребъ замеръ одиноко,
Міръ и землю позабывъ?
Вотъ селенье... Надъ домами
Церковь бѣдная стоитъ;
Солнце свѣтитъ, но лучами
Старый крестъ не золотитъ.
Обыдёнъ ее срубили
Дѣды въ кои-то вѣка,
На копейки снарядили,
Трудовыя бѣдняка.
Но стоитъ, не покачнется
Срубъ дубовый, вѣковой,
Крестъ Господень не погнется
Предъ метелью и грозой.
Въ церкви дѣдовской, понынѣ,
Предъ Заступницей людской,
Слезы горькія о сынѣ
Мать старуха льетъ рѣкой.
Рѣютъ ласточки, со звономъ,
Залетая въ Божій храмъ,—
И вѣка подъ небосклономъ
Вѣетъ жертвы ѳиміамъ.
Съ злобнымъ грохотомъ, грозою,
Поѣздъ встрѣчный накатилъ,
И, что крышкой гробовою,
Бѣлый свѣтъ намъ заслонилъ.

Виды спрятались, пропали,
Мысль отъ страха замерла...
Пролетѣлъ—и побѣжали
Вновь картины, что стрѣла.

Ситецъ — полюшко гречихи,
Что раскикулъ, съ казовой,
Для красавицы-купчихи
Коробейникъ молодой;

Рѣчка синяя, подковой,
Обогнула островокъ,
Вешней жизнью, что обновой,
Пріодѣтый уголокъ;

Берегъ, словно бирюзою,
Незабудками покрытъ,
Гай съ зелёною листвою
Повеликою увитъ.

А черемуха лѣсная—
Жемчугъ скатный, кружева!...
Будто дочку мать родная
Убрала ее весна.

И красавица съ улыбкой,
Наклонившись надъ водой,
Ни слѣдитъ за болкой рыбкой,
Ни любуется собой.

Вотъ, прощаяся съ землею,
Солнце огненнымъ лучомъ
Озарило за рѣкою
Городъ съ каменнымъ кремлемъ.

И въ туманѣ засверкали
Стекла, главы у церквей....
А вверху, клубясь, бѣжали
Облака, иль рядъ тѣней?

Вѣковѣчныя творенья
Кисти, мощнаго рѣзца,—

Плодъ труда и вдохновенья,
Слезъ и радостей пѣвца.
Убѣленный сѣдиною,
Старецъ долу, внизъ глядитъ,
Рядъ видѣній, синевою,
Перепутанныхъ летитъ:
Съ черной гривою косматой,
Конь, взметнувшись на дыбы,
Замеръ, бѣдный, передъ хатой,
Вѣдьмы, Бабищи-Яги.....
Поѣздъ сталъ. Во тьмѣ сарая
Сгинулъ солнца теплый свѣтъ,
Паровозъ шипитъ, пуская
Паръ, что душу... Вашъ билетъ.
И, какъ пьяницѣ съ похмѣлья,
Стало жаль мнѣ, не путёмъ,
Грёзъ туманныхъ и бездѣлья
Съ пестрымъ, жизненнымъ райкомъ.

1871.

Стр.

Товарищамъ 3
Дорого не время 4
Шатунокъ городокъ 5
Кому вынется 7

1875.

Дѣтство 9

1876.

Больше Бога не будешь 95
Въ деревнѣ 99
Думка 100
Утренній туманъ 101
Первый снѣгъ 102
Въ нѣкоторомъ царствѣ . . . . . —

1877.

Думы 107
Слово 109
Загадка . . . . . —
Загадка 110
Предъ плащаницею . . . . . —
Премудрость . . . . . —

1884.

Дѣдъ кудесникъ 115
Памяти Мицкевича 117
Изъ письма С. А. Юрьеву 118

24 88 111ST2 53 005 BR 1 6268

Д-85

PG 3453 .C3 A17 1896 C.1
Stikhotvoreniia.
Stanford University Libraries
3 6105 040 656 360

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004